

ЛЕКАРЬ-
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

· ПРИЗРАЧНЫЙ ОБРЯД ·

18+

— ✕ —
МАША
МОРАН
— ✕ —

ЛЕГЕНДЫ ОБРЕТАЮТ ПЛОТЬ
ТАЙНА БУДЕТ РАСКРЫТА

Маша Моран
Лекарь-возлюбленный.
Призрачный обряд
Серия «Лекарь-возлюбленный», книга 2
Серия «Темные миры Маши Моран»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69267391*

*Лекарь-возлюбленный. Призрачный обряд. Роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155258-9*

Аннотация

Она искала простой жизни. Согласна была на все. Все ведь и было идеально! Пока не появился он... Почему он смотрит на нее так? Никто и никогда не сжигал ее заживо глазами. Никто не сдирал кожу острым взглядом. Это безумие, в котором она безнадежно погрязла.

Моим предназначением был трон. Я всегда знал, для чего рожден. Отстоять власть любой ценой. Но, когда я вижу его, меня накрывает волной одержимости. Голубые глаза, пухлые губы, манящая улыбка... Его предназначение – моя погибель. Он – смысл моей жизни. Я исполню любое его желание. Завоюю для него мир и раскрою все его тайны. Я смирился и принял свои чувства. Он будет моим.

Или все же... моей?..

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	35
Глава 3	56
Глава 4	89
Глава 5	127
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Маша Моран
Лекарь-возлюбленный
Призрачный обряд
Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© М. Моран, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Уроки каллиграфии

– Я преподам вам урок каллиграфии, мой король...

Катарина перекинула длинную ногу и оседлала мои бедра.

Я не смог ответить. Завороженно наблюдал за ее изящными движениями, за тем, как подрагивает небольшая округлая грудь, как пряди волос скользят по набухшим соскам.

Ей ничего не нужно было делать – я уже готов был кончить. Лишь от одного ее вида. От пухлых губ, которые представлял на всех частях своего тела, от ее груди, которая сводила с ума. Боги... Я был готов сутками смотреть на эти упругие холмики. Во рту выступила голодная слюна от желания вобрать бархатистые горячие соски и сжать их губами.

Рука сама собой потянулась вперед, чтобы сжать ее совершенную грудь, но Катарина перехватила мои пальцы и откинула назад волосы.

Я тяжело выдохнул.

– Не сейчас, мой король...

Она потянулась вперед, нависая надо мной. Кончики волос скользнули по моей груди, по животу, заставляя мышцы предательски сжаться от боли неудовлетворенного желания.

Она улыбнулась и взяла кисть для каллиграфии, лежащую на столике возле кровати.

– Больно?..

Она немного придвинулась, задевая развилкой между бедер мой стоящий колом член.

Я смог только выдохнуть, прикрыв глаза.

– Ваши министры уже болтают, что король слаб здоровьем. – Катарина лизнула мягкие волоски кисти. – Мои частые визиты сюда их настораживают. Это может угрожать вашей власти, мой король...

Она изогнулась, словно в невероятном танце, и окунула кисть в чернила.

– Вы должны реже вызывать меня, если не хотите, чтобы в вашей силе сомневались. Даже малейший намек на слабость...

Я прижал палец к ее губам:

– Мне плевать на то, что они говорят. Любой, кто распространяет эти сплетни, будет казнен. Тебе лишь достаточно указать на него.

Коварно улыбнувшись, она прикусила кончик моего пальца и легонько тронула его языком. Я не смог подавить стоны. Член дернулся, и из головки показалась светлая капля – свидетельство того, насколько я был слаб рядом с ней.

– Вы столько сделали, чтобы получить свой трон!.. Нельзя так рисковать.

Катарина накрыла ладонью мой живот, слегка царапнув ногтями, от чего я снова поднял бедра.

– Ты стоишь любого риска...

Она снова улыбнулась и занесла кисть над моей грудью.

– Урок первый... Сегодня мы разучим фразу: «Я схожу с ума без моего лекаря». – Холодный кончик кисти коснулся моего плеча. Плавными движениями Катарина начала наносить на мою кожу иероглифы. – Повторите, ваше величество.

Ее волосы упали мне на грудь. Основанием члена я ощущал влагу, сочащуюся из лепестков ее плоти. Чувствовал ее теплое влажное дыхание на контрасте с прохладным прикосновением чернил. Мягкое скольжение кисти посылало по коже мурашки.

Сейчас я был не грозным королем, который поставил на колени и подчинил всех врагов, а слабым рабом, послушным воле этой женщины.

Разомкнув пересохшие губы, я покорно повторил:

– Я схожу с ума без моего лекаря...

Катарина довольно улыбнулась, и от этой улыбки все внутри меня сжалось.

Она закончила выводить последний иероглиф и снова обмакнула кисть в чернила.

– Хорошо... Урок второй... «Я клянусь, что больше никогда не оставлю моего верного лекаря в одиночестве».

Катарина начала записывать иероглифы на моей груди, нарочно пройдясь кистью по соску, который вдруг стал невероятно чувствительным. Рядом с ней я превращался в сплошной комок нервов, реагируя даже на самое невинное прикосновение или вскользь брошенный взгляд. Даже ране-

ния в бою я не ощущал так явно и четко, как ее ласки.

Она точно была ведьмой. Маленькой сладкой ведьмой, которая подчинила меня себе настолько сильно, что иного я уже не желал. Это была та участь, о которой я мечтал. Другого мне было не нужно.

– Вы слишком медлите, ваше величество. Неужели не усвоили мой урок? Нерадивых учеников обычно наказывают...

Катарина уже перебралась на живот, продолжая записывать столбик сказанной фразы, а я поспешил повторить:

– Я клянусь, что больше никогда не оставлю моего верного лекаря в одино...

Я оборвал себя на полуслове, когда увидел, как кисть скользит еще ниже.

Катарина встретила мой взгляд, голубые глаза сверкнули колдовством, а губы изогнулись в такой улыбке, что мне стало больно от ее совершенства. Она коснулась кистью моего члена и принялась выписывать на нем новые иероглифы.

Я стиснул пальцами простыни, поднимая бедра над кроватью, и тут же сжал ее ноги.

Катарина тихо рассмеялась и обхватила сложенными в кольцо пальцами головку моего члена. Я понял, что не сдержусь. Она доведет меня до освобождения лишь этими короткими ласками и почти невесомыми касаниями.

– Здесь я напишу кое-что особенное...

Я понял, что эту ночь не переживу. Катарина уьет меня

наслаждением. Но такую смерть я готов был принять с удовольствием. Каждый раз, когда находился рядом с ней, видел ее, вдыхал ее запах, я умирал от нестерпимо сладкого ядовитого счастья, которое завладевало мной подобно отраве. Подобно одержимости.

Я знал, что одержим ею. И никогда от этого не будет излечения. Но мне оно и не нужно. Это самая желанная из болезней – болезнь ЕЮ. Катариной. И я желал умереть лишь от нее. Потому что эта смерть будет прекрасной...

Я крепче сжал бедра Катарины, позволяя ей делать с собой все, что захочет. Но не позволяя оставить меня. Никогда.

Глава 1

Лекарь и двое его мужчин

Месяц спустя...

Айми заставила себя расправить плечи и выпрямить спину. Пригладила искусно выпущенный из волос локон и откинула назад полы плаща. Холодный осенний воздух тут же набросился на кожу мелкими укусами.

Зябко поежившись, Айми одернула свое и без того открытое платье так низко, что едва не обнажились ареолы сосков. Выставляет напоказ демонову лекарю то, за что другие платили звенящие серебром кошель. На что только не пойдешь, чтобы заполучить шанс выбраться из этой убогой крепости в объятиях красавца-аристократа.

При мыслях о господине Ване по всему телу прошла дрожь. Всемилостивые боги, для чего вы создали настолько идеального мужчину?! Как можно быть совершенным во всем? Его стати позавидовали бы даже короли. А воинское искусство? Он двигался подобно порывам ветра. Можно только гадать, каков он окажется в постели. Тот, кто настолько владеет своим телом, наверняка знает, как доставить удовольствие женщине. А если не знает, то и не беда. Она с

огромным удовольствием всему его обучит. Это будет даже пикантно.

Вот только подобраться к нему стало еще сложнее, чем в первые дни его приезда сюда. Постоянными тенями за ним следуют алхимик и пройдоха Ясуо. Они все время рядом! Даже поселились в Павильоне Бурь.

Но сегодня ночью все будут праздновать Джеоншин, и своего шанса Айми точно не упустит. Но ей потребуется помощь этого смазливового негодяя – господина лекаря.

С первого своего дня здесь он был как кость в горле. Айми и сама не знала, что ее так раздражает в нем.

Иноземная внешность отличала его и от женщин, и от мужчин, выделяя среди всех. Он походил на существо из легенд. Какого-то загадочного духа, по ошибке оказавшегося в мире людей. Разгадать его было слишком сложно, а ведь Айми повидала немало людей.

У него явно было необычное прошлое. Несмотря на молодость, он хладнокровно разрезал людей. Не обладая никакими бойцовскими навыками, бесстрашно бросался в сражение. А его умения распространялись далеко за пределы медицины. Он изготавливал духи, помады и белила, даже самшил ароматические саше. И один из немногих, кто остался холоден к ее чарам.

Эта сторона его природы сильнее всего тревожила Айми. Было в ушлом лекаре нечто такое, что выдавало его искусственность. Он явно был знаком с особыми столичными заба-

вами, на которые можно было попасть лишь по рекомендации и внося приличную сумму денег.

Много раз Айми, как бы невзначай, заводила разговоры о том, какие развлечения устраивают в Домах Услады. Юный лекарь не смущался ни упоминаний празднеств с участием нескольких мужчин и нескольких женщин, ни рассказов о том, как женщины ублажают других женщин, а мужчины – мужчин.

Когда он успел в столь юном возрасте прознать о подобном? Ведь обучение в столичной медицинской академии отнимало все свободное время. Айми даже слышала, что это закрытая академия и студентов оттуда выпускают раз в месяц. Да и то они не стремятся покидать ее стены, чтобы даже свободное время потратить на учебу. А судя по способностям господина Рэйдена, на занятиях он был одним из лучших.

Он проявил потрясающую стойкость, не поддавшись соблазнам, которые предлагала дурочка Эйка. Да чего греха таить, и сама Айми несколько раз пыталась заманить его в свою постель. Таких экзотичных мужчин у нее еще не было. Первое время они даже соревновались с Эйкой за его внимание. Вот только Айми быстро поняла, что этот орешек так просто не расколоть. Видимо, господин лекарь предпочитал что-то более изысканное, чем скромные развлечения в пограничной крепости.

Но полтора года он держался, не проявляя ни малейше-

го признака потребности в женской ласке. Многие девушки приходили к Айми за советом или просто поболтать. Как же они восхищались лекарем-иноземцем! Его манерами, фигурой, необычным цветом глаз и поистине волшебным оттенком волос. А его манера говорить! Легкая, едва уловимая неправильность речи, когда он слишком торопился отдавать приказы. Никакой почтительности перед теми, кто выше его по статусу. Гордость, граничащая с упрямством. Все это завораживало местных девушек.

Да и Айми находила нечто притягательное в его натуре. До тех пор, пока господин Рэйден не намекнул, что ему тоже интересен королевский посланник.

Тот их разговор с лекарем все никак не шел у нее из головы. С одной стороны, она понимала, что негодяй просто не желает кому-либо подчиняться. Такой же свободолюбивый и дерзкий, как и прежний дурак. И кончит так же.

С одной стороны, он мог просто спорить с ней из упрямства. Но с другой... женское чутье и многолетний опыт подсказывали, что дело тут нечисто.

И Айми не ошиблась. Она начала наблюдать за хитрецом. Исподволь. Осторожно. Стараясь все время оставаться в стороне.

Результаты не заставили себя долго ждать. Как же она была слепа! Похоже, господин лекарь всерьез увлекался мужчинами. Женщины же его привлекали лишь в тогда, когда речь шла о развлечениях втроем. Иначе как еще объяснить

то, что он вдруг позволил приблизиться к себе этой изуродованной девке из деревни?! Никому прежде не удавалось стать настолько интересной, а этой он разрешает везде таскаться за собой.

Но главным открытием Айми стало совсем не это. Совершенно случайно она стала свидетельницей любопытнейшей сцены между господином лекарем и... Кем бы вы думали? Холодным и неприступным командующим Фао Рэном.

Верилось с трудом, но, похоже, подлецу Рэйдену каким-то образом удалось соблазнить его. Айми глазам своим не поверила, когда застучала этих двоих, спящих в одной кровати, в обнимку, в лазарете. На соседней койке ютилась эта мерзкая девка – Минэко. Все трое выглядели растрепанными и явно осушившими не один кувшин вина.

У Айми даже дар речи пропал, а проснувшаяся Минэко лишь рассмеялась и небрежно бросила что-то вроде того, что мужчинам нужно было сбросить напряжение после нападения монахов, а она им в этом помогла.

Айми своими ушами слышала, как сонный командующий шептал имя лекаря и умолял не оставлять его!

Если мерзавец Рэйден смог добраться до Фао Рэна, то рано или поздно соблазнит и посланника. Сама природа на стороне лекаря – ему досталась незаурядная внешность и совершенно бесстыдный нрав. Он явно знал толк в столичных развлечениях и знал, чем удивить посланника. В отличие от нее, бывавшей в столице лишь несколько раз.

Она испробовала уже почти все свои приемы, и пришло время обратиться к последнему оружию – к знаниям врага.

Несколько дней назад она заметила у Рэйдена белладонну Дал Уи. Ту, из которой готовят особую мазь, ценой в целое состояние и способную превратить обычную ночь в нечто незабываемое и волшебное.

Придется заключить с Рэйденом сделку. Ей необходима эта мазь. Айми была уверена: хитрый негодяй способен ее изготовить. Ему известен древний секретный рецепт.

Решившись, Айми уже собралась было выступить из укрытия деревьев, когда заметила посланника, вышедшего из своего дома.

Рэйден стоял на коленях возле разросшихся кустов роз и что-то выискивал среди шипастых стеблей.

Айми прищурилась, решив остаться в своем убежище и понаблюдать за мерзавцем и тем, что он предпримет. Неожиданно лекарь потянулся, выгнул спину и отклячил зад так, словно находился в постели. Не хотелось это признавать, но он действительно выглядел искушающе и изящно, как бог соблазна, который источал свое пагубное влияние и на мужчин, и на женщин.

Что-то обнаружив в зарослях, Рэйден снова сел прямо на землю и вытянул перед собой руку. По бледной коже ползали несколько божьих коровок. Даже то, как он держал руку и трогал пальцем крошечных насекомых, смотрелось красиво и завораживающе. Он словно позировал для картины.

– И какое зелье вы собираетесь сварить из них?

Посланник остановился за его спиной, позволяя лучам солнца обнимать его сильное стройное тело.

Лекарь испуганно вздрогнул и обернулся.

– С чего вы взяли, что я собрался их варить?

Айми наблюдала за этими двумя, закусив губу и перестав дышать. Она и сама не знала, почему так реагирует на происходящее. С замиранием сердца наблюдает за двумя мужчинами, одного из которых страстно желает, а другого – не менее страстно ненавидит. Но между этими двумя что-то происходило. Что-то, из-за чего вокруг летали серебристые искры напряжения, от которых дрожала даже она.

– Ну, зачем-то же вы их ловите.

Посланник неторопливо обходил Рэйдена по дуге, скрепив руки на груди и пристально рассматривая.

– Ловлю, потому что они мне нравятся. Они прекрасны!..

– Это вы прекрасны...

Хриплый голос посланника, его тяжелый взгляд и поднятое к солнцу лицо лекаря... Все это место на романтической картине!

Айми с такой силой сжала кулаки, что ногти больно впились в кожу.

Нет! Она не позволит негодяю соблазнить ее Ван Лина. У лекаря нет ничего, чем в избытке обладает она. И сегодня она продемонстрирует господину Вану все свои прелести. Ее Танец Последнего Листа его очарует. Подобного он не уви-

дит больше нигде. Даже в столице! Не может быть, чтобы совершенное женское тело проиграло хилому мужскому! Никогда!

Айми вышла из-за высоких елей прямо к застывшей словно на картине парочке.

– Господин Ван, какая неожиданность!

Она присела в поклоне, демонстрируя так вовремя обнаженные полушария груди.

– А кого еще вы ожидали увидеть возле моего павильона?

Айми открыла рот, чтобы ответить, но так и осталась стоять. О боги! Да она же сейчас на идиотку похожа. Но сделать ничего не получалось. Господин посланник просто невыносим! И как с ним разговаривать? Впрочем, трудности делают эту игру только интересней.

– Я шла к господину Рэйдену. Мне необходима его помощь, чтобы сделать мое сегодняшнее выступление незабываемым. Вы ведь придете, господин Ван? Прошу, скажите, что придете! Такого вы не увидите ни в одном Доме Услады. Даже в столичном!

– Я не посещаю Дома Услады. – Ван Лин криво ухмыльнулся. – Даже столичные.

Внутри все оборвалось. Ну как же так?! Не может ведь он быть настолько непробиваемым! Как заманить его на выступление?

Неожиданно он повернулся к лекарю, явно собираясь что-то сказать. Нет-нет-нет! Она должна это предотвратить! Он

уже назвал мерзавца прекрасным при свете дня.

– А вот господин Рэйден совсем не брезгует Домами Усллады, не правда ли?

Лекарь ничуть не смутился.

– Где вы их тут нашли, госпожа Айми?

Она притворно потупилась.

– Я имею в виду... – бросила Айми быстрый взгляд на посланника. – Вы не брезгуете услугами Минэко. А она, надо сказать, не лучшая из сароен. Готова обслуживать всех подряд и почти ничего не понимает в нашем искусстве. Как можно было предпочесть Эйке ее?

Вот так вот, господин Ван! Айми с превосходством посмотрела на лекаря, а потом сразу на посланника. Ну, что вы на это скажете? Этому мерзавцу все равно, кого тащить в свою постель. Рад даже крохам.

– Вы пришли сюда, чтобы отстаивать честь госпожи Эйки? Или обсуждать мои пристрастия в выборе женщин?

Рэйден смотрел на нее так, словно видел какое-то жалкое ползучее насекомое, которое изо всех сил старается и не может взлететь.

Айми совсем забыла, что явилась сюда за помощью. При виде Ван Лина все мысли вылетели из головы. А от того, как он делал комплименты лекарю, перед глазами и вовсе все поплыло. Но теперь останавливаться поздно. Отступив, она лишь признает свое поражение.

– Если бы только женщин! Вы уже и на мужчин загляды-

ваетесь! Какое бесстыдство!

Она ожидала, что лекарь хотя бы смутится, но не тут-то было!

Он лишь закатил глаза и отряхнул руки.

– Каждый сам вправе выбирать, кого любить и с кем проводить ночи. Если у вас все, то вынужден вас покинуть. У меня еще уйма дел.

С невозмутимым видом он прошел мимо, напевая под нос какую-то глупую песенку.

– Прошу меня простить, – холодно поклонился ей посланник, – но у меня тоже есть дела.

Он ушел! Ушел! И снова она осталась ни с чем.

От отчаяния Айми сама не видела, куда бежит, пока не налетела на высокую статную фигуру.

– Госпожа Айми?..

Мужские руки придержали ее, но тут же отстранили от себя.

Командующий Рэн... Несколько долгих мгновений они рассматривали друг друга: сын генерала – с удивлением, вздернув красивые брови, Айми же – с осознанием того, что судьба сама дает ей шанс.

– Прошу прощения, командующий... – Она изобразила настолько низкий поклон, что едва не упала. – Я задумалась...

– Ничего страшного.

Он учтиво поклонился, и в этот самый миг Айми осозна-

ла поразительную вещь: они с посланником были неуловимо похожи. Движениями, фигурами, даже строением тела. Уж она замечала такие вещи.

А что, если мерзавец-лекарь действительно предпочитает мужчин? Увидев потрясающего Ван Лина, он возжелал его и попытался соблазнить. Но тот не поддался. И тогда Рэйдэн решил утешиться командующим! Но неужели Фао Рэн?.. Айми оценивающе посмотрела на сына генерала. Нет, вот уж кто мужчина до мозга костей. Но как они тогда оказались в одной постели с лекарем?

Эта бездарная шлюха Минэко! Конечно же! Лекарь наверняка шантажирует ее тем, что спас. Предложил ей покровительство в обмен на ее услуги и заставил соблазнить командующего. Вполне возможно, что они даже опоили его.

Что ж, удача сама идет ей в руки.

Командующий уже собрался уходить, и Айми поспешила схватить его за широкий рукав. Он даже одеваться стал иначе. Знать бы, с чем это связано...

– Постойте, господин Фао. Я бы хотела с вами поговорить... Наедине...

Он снова отреагировал лишь вздернутыми в удивлении бровями.

– Прошу...

Айми уверенно прошла вперед, останавливаясь у одного из заброшенных колодцев, и развернулась к командующему. Удостоверившись, что их никто не подслушивает, она уве-

ренно заявила:

– Мне нужна ваша помощь.

Он снисходительно улыбнулся.

– Думаю, вам лучше обратиться к моему отцу.

– Нет, именно ваша. Ведь вы тоже пострадали...

– Пострадал?

– Да! От действий господина лекаря.

Командующий нахмурился – кажется, ей, наконец, удалось заинтересовать его.

– Я ни разу не обращался к нему за лечением, поэтому не знаю, как мог пострадать...

Айми перебила его:

– Ваша репутация... И если бы кто-то более охочий до сплетен увидел то, чему свидетельницей стала я... Вам бы пришлось очень тяжело оставаться здесь.

Лицо командующего оставалось поразительно бесстрастным.

– Я не совсем понимаю, о чем речь.

– О той ночи, примерно месяц назад, когда я обнаружила вас в объятиях господина Рэйдена и его новой постельной игрушки – этой бесстыжей Минэко.

Айми нарочно стыдливо прикрыла нижнюю часть лица рукавом и взмахнула ресницами.

Челюсти командующего сжались.

– Возможно, вы застали нас после дружеской попойки. В этом нет ничего удивительного.

– Ах, так вы теперь друзья? – Айми мило улыбнулась. – Но со стороны все выглядело совсем иначе, не так невинно. И если бы кто-то другой вошел в то утро в лазарет, поползли бы дурные слухи...

– Я все еще не пойму, что тут можно обсуждать?

На щеках Фао Рэна заиграли желваки. Даже жаль, что он не проявлял к ней никакого интереса и вместо молодого сильного тела ей приходилось обслуживать его дряхлеющего папашу.

– Командующий... – Айми покачала головой. – Представьте, как неподобающе это выглядело: вы, растрепанный и полюбобнаженный, обнимаете спящего господина лекаря. А его щека покоится на вашей груди так мирно, словно вы – двое влюбленных. А рядом – эта приبلудившаяся дешевка. И поверьте, даже самый неискушенный и невинный свидетель этой сцены сразу понял бы, что она удовлетворяла вас двоих. Для меня, конечно, в этом нет ничего страшного или постыдного. Но вы ведь знаете, какие люди живут в нашей крепости. Да и репутация вашего отца на волоске после того, как он закрыл ворота. Если станет известно, как развлекается его сын, боюсь, этого не поймут...

Айми снова изобразила поклон и прикрыла лицо рукавом. Глаза Фао Рэна сверкнули.

– Вы меня шантажируете?!

– О боги, нет! Как вы могли такое обо мне подумать? Я лишь хочу вас предупредить, что пойдут слухи...

– Прошло столько времени, и они не пошли. А сейчас почему-то должны?

Он снова вздернул брови в своей безумно раздражающей ее манере.

Айми осторожно коснулась его сильной груди.

– Я лишь хочу сказать, что, возможно, кто-то еще стал свидетелем той постыдной сцены... Тогда сплетни не удастся предотвратить...

Наконец он понял.

– Чего вы хотите?

– Если вы мне поможете, то я отвечу вам преданностью и верностью. Буду отрицать любые слухи...

– Быстрее, госпожа Айми!

– Сегодня вечером я танцую особенный танец. Его должен увидеть господин Ван Лин.

– Ну так и станцуйте перед ним.

– Я уверена, что он смотреть на мое выступление не придет в беседку к вашему отцу и остальным. А значит, мне нужно будет станцевать еще раз. Для него.

– Хотите, чтобы я силой удерживал его, пока вы будете танцевать?

Командующий усмехнулся.

Айми подавила желание стукнуть его чем-нибудь.

– Вы ведь играете на гуцине...

Фао Рэн вновь вздернул брови.

– Я хочу, чтобы вы сопровождали меня. Господин Ван

вынужден будет смотреть, потому что будут и другие гости. Особые... Из-за которых он не сможет уйти.

– Кто же?

– Господин Рэйден и его низкопробная шлюха. Вы получите шанс отомстить им обоим.

На лице командующего мелькнуло недоумение.

– И как же я должен им... мстить?

Айми улыбнулась.

– Придумайте. Вы же командующий. Я преподношу его вам на блюдечке. Моя цель – господин Ван.

Ночь Джеоншина

Катарина вскрикнула, когда Ван Лин схватил ее за руку и толкнул на стол. Она оказалась распластана под ним, полностью доступна, открыта и незащищена.

Он сжал ее запястья над головой, склоняясь так низко, что она ощутила запах костров, которые жгли на Джеоншин.

– Если боишься, что я прикоснусь к тебе, тогда сам можешь дотронуться до меня.

Он потянул ее руку вниз, пристально глядя в глаза, гипнотизируя и даже, кажется, не дыша.

Ее дыхание тоже замерло в груди. Но лишь на мгновение.

Было так легко забыть, кто перед ней, отдаться желанному!.. Разве это сложно? Разве не заслужила она нескольких сяоши любви и страсти?

У нее почти не осталось сил бороться. Сунлинь ушел месяц назад, забыв о ней, оставив в одиночестве. А Ван Лин здесь. Всегда рядом. Вот только он – лишь красивая замена настоящего и навсегда недоступного для нее принца.

Не произнося ни слова, Катарина начала вырывать руку.

Ван Лин выпустил ее и отпрянул.

– Что я делаю неправильно? Что тебе не нравится?

Катарина быстро поднялась со стола.

– То, что ты – двойник. Ты даже не человек!

– Я лучше людей! – Он накрыл ладонью ее щеку и ласково погладил. – Я смогу тебе дать то, чего никогда не сможет дать он.

Катарина покачала головой.

– Просто уйдите отсюда, пока все не испортили!

– Вот кто я для тебя? Лишь глупая марионетка, чтобы спасти то, что разрушил ваш любимый принц? Он бросил вас всех! Он бросил тебя! Оставил одного, беззащитного! Никто, кроме меня, не сможет позаботиться о тебе.

Катарина не знала, что делать, что еще сказать. Искушение сдаться фальшивому Ван Лину было так велико, что она всерьез начинала представлять, как надевает маску, берет туманную пыль и отправляется с ним на праздник. Даже готова была себе соврать, что пойдут они как два друга, не более.

Но ведь видела, что его отличия от настоящего принца слишком велики. Он был другим. Более земным, что ли. Сунлинь же, даже притворяясь посланником, казался небо-

жителем, богом.

Прекрасное лицо двойника отражало слишком много эмоций, в то время как принц всегда оставался холодным и невозмутимым. Но там, за этой аристократичной отстраненностью, скрывался огонь тысяч чувств. И Катарина была уверена, что, оставшись наедине с ним, смогла бы их разбудить. Теперь бы она не стала строить из себя недотрогу.

Пусть ему и нужен был лекарь... Прожив без Сунлиня всего месяц, она готова была стать для него кем угодно. Она бы пила их счастье большими глотками, жадно давясь и насыщаясь, до тех пор, пока он не раскрыл бы ее секрет. И была бы благодарна за каждую секунду счастья, даже если бы после этого обмана он выгнал ее.

– Ты нуждаешься в любви, в признании тебя человеком, ведь так? – Катарина обняла себя за талию, понимая, что говорит не только о двойнике. – А госпожа Айми нуждается в тебе. Она подарит тебе заботу, ласку и столько любви, сколько сможешь вынести.

– С тобой я познал, что значит быть отвергнутым, счастливым, надеющимся, а сегодня еще и униженным. Хочешь просто выбросить меня? Как ставшую ненужной игрушку? Словно передаешь меня младшей сестре...

– Айми – женщина. И она даст тебе все то, чего не смогу дать я.

– Меня не смущает твой пол! Разве ты не понимаешь?! Это может отвращать и пугать принца, но не меня. Если и

быть игрушкой, то твоей.

Катарина покачала головой.

– Твои чувства – лишь отражение желаний его высочества. Они ненастоящие. – Она чуть коснулась ладонью колючей щеки Ван Лина. – Ты имеешь право на свои собственные чувства. К красивой женщине, которая примет все, что ты ей дашь.

– Вам я нужен, лишь чтобы прикрывать отсутствие принца, а ей – чтобы увести отсюда. Хоть кто-то из вас, людей, знает, что такое искренняя привязанность?

Дверь с грохотом и скрипом отлетела в сторону. Катарина замешкалась, не успев отскочить от Ван Лина.

Ее пальцы, касающиеся щеки двойника, заметила и Айми, и грозно шагающий за ней командующий Рэн. Боги, а он-то что здесь забыл? Пришел, чтобы поквитаться за ту ночь? Да нет, не стал бы он столько времени ждать.

Чтобы не выглядеть застигнутой на чем-то постыдном, Катарина медленно убрала руку и отступила от Ван Лина. Командующий следил за каждым ее движением тяжелым пристальным взглядом, не обещающим ничего хорошего.

За этот месяц Катарина почти убедила себя в том, что все произошедшее в ту злополучную ночь, когда она усыпила его, – лишь плод ее воображения. Командующий не владел собой, и то, что он говорил, очарованный музыкой заколдованной лютни, было только пьяным бредом. Да и все это время он почти не разговаривал с ней, привычно игнорируя. Но,

кажется, она слишком расслабилась.

– Господин Ван, господин Рэйден... – Айми присела в поклоне, и только сейчас Катарина заметила, что сароен успела переодеться и украсить свое лицо необычным макияжем. – Вас не было на празднике. Наверное, вы оба очень заняты... Поэтому я решила, что несправедливо оставлять вас без развлечений.

Каких еще развлечений? Не нужны ей никакие развлечения! Да еще в лазарете.

– Даже не вздумайте отказываться, господин Рэйден! Я уже вижу по вашему лицу, что вы хотите сбежать, – хихикнула Айми, прикрыв широким рукавом рот. – Вы совсем не бережете себя. Нельзя быть таким затворником, вам тоже нужно развлекаться. Пусть ваш друг меня поддержит. Не правда ли, господин Ван?

Вот же змея!.. Решила перевернуть все так, будто пришла развлекать именно ее, а не посланника.

– Господин Рэйден самозабвенно отдается своему любимому делу. Быть может, именно из-за того, что он так погружен в медицину, в крепости нет эпидемий и все здоровы.

Тишина после слов Ван Лина была подобна мягкому маслу.

Ножом, разрезавшим ее, стал голос Фао Рэна:

– Тогда тем более господин Рэйден достоин отдыха.

Командующий уверенно подошел к Катарине и указал на место на полу.

– Думаю, нам стоит сесть здесь, чтобы у госпожи Айми было место для ее танца.

Айми уверенно, словно была тут хозяйкой, разбросала по полу подушки, принесенные Минэко.

– Прошу, господа, рассаживайтесь.

В душе шевельнулось предчувствие, что ничем хорошим эта ночь не закончится. И словно в доказательство этой мысли дверь снова скрипнула, и в проеме показалось лицо Сюли. На ее веки и лоб был нанесен праздничный макияж, изображающий небо, луну и звезды. Такой красивой она еще никогда не была. По тому, как загорелись глаза Сюли, а щеки покрылись ярким румянцем, когда она посмотрела на посланника, сделалось ясно, для кого именно она наряжалась.

На душе стало еще тяжелее. Катарина понимала, что не имеет никакого права ревновать Сунлиня, а тем более его двойника. Она сама толкала Ван Лина в объятия Айми. Но...

Ложь самой себе никогда еще не давалась так трудно. Сюли была во всех смыслах достойной девушкой. О таких писали поэты – воспевали их красоту и добродетели. А художники наверняка создали бы тысячи ее портретов. Поклонникам ее прелести не было бы числа.

К тому же брат обучил Сюли основам боевых искусств – во всем она была ровней Сунлиню в сотню раз больше, чем сама Катарина.

– Барышня Сюли?

Кажется, Айми тоже почувствовала соперницу. Ее лицо

утратило всякую благожелательность и расположение.

Сюли изящно поклонились и прямо посмотрела на Ван Лина.

– Я слышала, что господину посланнику нездоровится и он вынужден проводить Джеоншин в лазарете. Но кажется, это не так. – Она уверенно подошла ближе и улыбнулась. – Вы решили укрыться от злых духов здесь? Господин лекарь не любит праздники и не чтит наши обычаи. Он – иноземец, и это понятно. Но почему вы без маски и призрачного макияжа, господин Ван?

Катарина едва не скрипнула зубами. В мгновение ока она стала врагом для всех и каждого. И виной всему принц, которого даже нет в крепости!

А ведь и правда, ни она, ни двойник не нанесли призрачный макияж. Даже веки Фао Рэна были покрыты искуснейшим рисунком, изображающим... Катарина прищурилась. Это же очертания ее лютни! Гриф и струны, которые казались продолжением его ресниц.

Рэн ответил ей пристальным взглядом, от которого захотелось поежиться. И хуже всего было то, что он смотрел на нее вовсе не с ненавистью.

– Господин Ван без макияжа, потому что преступление – прятать его совершенное лицо. – Айми, верхняя часть лица которой была полностью покрыта ювелирно прорисованными листьями и ветвями деревьев, напоминающими тонкую паутинку и создающими впечатление маски, вздернула нос. –

Что ж... полагаю, мы можем начать...

Катарина не знала, как выгнать эту обезумевшую толпу из своей обители. Демонов двойник оказался настолько же идеален, как и настоящий принц, и все происходящее было по его вине!

– Прошу вас, господин Рэйден, сядьте рядом. Возможно, вы сможете дать мне несколько советов относительно моей игры на гуцине...

В словах Фао Рэна не было ничего от просьбы. Сказанное мягким, обманчиво ласковым тоном являлось не чем иным, как приказом. Но не таким, какой отдают солдатам. Почему-то у Катаринины появилось стойкое ощущение того, что он пытается ее соблазнить.

Она пыталась придумать, как отказаться от соседства с командующим, как вдруг Сюли бросилась к подушкам, совсем не случайно толкая ее к Рэну.

– Ох, простите, господин Рэйден! Так не терпится посмотреть на танец госпожи Айми. Я слышала, это нечто волшебное.

Чтобы не упасть, Катарине пришлось сделать шаг вперед, и тут же командующий сжал ее пальцы в своей крепкой ладони и потянул вниз.

Катарина неловко опустилась на подушку рядом с ним. Сюли проворно заняла место справа, намеренно отрезая ее от Ван Лина.

Лицо двойника оставалось бесстрастным – и когда он са-

дился, и когда Сюли как бы невзначай ближе пододвинулась к нему.

Катарина царапнула ногтями по дощатому полу от злости и отчаяния. Пора признать, хотя бы самой себе, что даже ма-рионетку она не хочет отдавать никому. И те ее слова, что с Айми ему будет хорошо... Она сказала их только потому, что знала: к ней он не испытывает никакого интереса. Что бы ни говорила и ни делала сароен. Но Сюли – совсем другое дело.

Неожиданно горячие пальцы погладили ее костяшки.

Катарина вскинула голову – Фао Рэн с едва заметной улыбкой смотрел на нее, продолжая ласкать пальцем тыльную сторону ладони.

Катарина попыталась убрать руку, но добилась лишь того, что он крепче сжал ее пальцы.

Боги, неужели он и вправду?.. В тот раз, чтобы его усыпить, Катарина воспользовалась помощью Минэко. Слуга Смерти подсказала ей особые заклинания из Мертвой Алхимии. Несколько иероглифов и формул, начертанных на корпусе, сплелись в одну необычную магию. Эта магия одновременно усыпляла и создавала иллюзию исполнения тайных желаний. Так они смогли бы не только усыпить командующего, не оставив никаких следов своего преступления, но и узнать о его чаяниях и надеждах.

Результат оказался, мягко говоря, неожиданным.

И вот теперь...

Командующий отпустил ее руку и тронул струны.

Глава 2

По ту сторону крепости

Здесь, по ту сторону крепости, все было серым и голубым. Как будто я оказался в царстве вечного сумрака. Холодный ветер пробирался под одежду, под кожу, прямо к костям. С каждым днем, проведенным здесь, мне казалось, что я все больше заледеневаю, превращаясь в морозного духа.

– Призраки болта-а-ают, что все боги покинули наш-ш-ш мир...

Я поднял глаза от дневников. Василиск, выросший до размеров дракона, вернулся с охоты. Его тело извивалось, оставляя на земле длинную волну.

– Боги нам и раньше не сильно помогали.

Я плотнее запахнул поношенный верхний халат, пытаюсь сохранить хоть частичку тепла. Даже огонь здесь не грел. Лишь мысли о златоволосом лекаре могли разжечь внутри пламя. Но о нем я боялся думать. Потому что одновременно с жаром в теле и в душе рождалась нестерпимая убийственная тоска, от которой невозможно было скрыться. Она разъедала нутро ядом. Мечты о несбыточном медленно отравляли меня, делая слабым и уязвимым.

Я понимал, что Рэйден был от меня слишком далеко, там, за стенами старой крепости, но не мог не представлять его

рядом. Зарывающимся пальцами мне в волосы, ласкающим кожу и горячо дышащим на ухо. Я почти слышал, как он шепчет мне сладкие порочные безумства, и от этих видений рассудок все дальше ускользал от меня.

– Говоря-я-ят, даже Король С-с-смерти больше не стережет свои земли... – Василиск свернулся кольцами у огня и сложил свои крылья. – Некому ос-с-становить зло, порожденное манускри-и-иптом.

Я снова углубился в записи лекаря.

Василиска я нашел сразу после сражения. Змей следил за битвой, не торопясь вступать в нее. Оказалось, что его смертоносный взгляд бессилен против тех, кто и так мертв. У меня была тысяча вопросов, которые я хотел задать змею. Но побег Рэйдена, его слова и мое собственное желание верить в то, что за его поведением скрываются чувства, подобные моим, лишили способности соображать.

Я как безумный думал о ночных цветах и, кроме двух этих слов, не мог больше ничего выдать из себя. Шептал и шептал, словно они были молитвой и могли все исправить.

Василиск меня услышал.

– Их ищут так же до-о-олго, как и волшебный манус-с-скри-и-ипт... Возмо-о-ожно, даже до-о-ольше...

В тот момент я мог думать лишь о том, что василиску известно о цветах.

– Что ты о них знаешь?!

Я нацелил меч на него, даже не задумываясь, что теперь

его шкуру вряд ли сможет проткнуть обычное лезвие.

– Лиш-ш-шь то, что названное этими слова-а-ами опа-а-асно... насто-о-олько, что построили эту кре-е-епость... охранять оружие, которое способно уничтожать и живое, и ме-е-ертвое...

Тогда я не задумался об истинном смысле его слов, лишь одержимо попросил:

– Отведи меня туда!

Только теперь, спустя многие дни пути, я начал осознавать, как много от меня было скрыто. Истинная история моей страны, неизведанные земли, которых все так боялись. Какие секреты скрывали эти безжизненные территории? Какое оружие должны были охранять в крепости? Что способно убивать мертвое и живое?..

Я перевернул страницу дневника, украденного у Рэйдена. Всполохи огня осветили плотные, исписанные тушью страницы. Каждое слово, как и в дневнике Дайске, было записано языком Мертвой Алхимии. Но как удалось выдать его за древний язык поэтов? Столько веков никто не подозревал, что скрыто на виду у всех. Разве такое возможно?

В воздух взвился сноп искр и рассыпался на оранжевые брызги фейерверка.

Я уставился на следующую страницу. Изображенные там три каменных саркофага казались настоящими. От листов исходил холод, скользкий по коже мурашками. Я чувствовал вонь подземелья и обреченность, слышал эхо собствен-

ных шагов и скрип каменной крошки под подошвами сапог.
«Три колыбели сии предназначены для слуг Короля Смерти. Мертвые, они ожидают воскрешения в чертогах своего короля. Познавшие при жизни пагубную силу любви, одержимые этой лютой страстью и неспособные покоиться с миром, они поклялись Королю Смерти в вечном служении. Приняв их клятву, он наделил их силой и властью великих алхимиков. Им ведомы заклинания и рецепты с самой древности времен, когда алхимия была разлита в воздухе, когда ею дышали. В их власти великое множество заклинаний и рецептов. Они способны повелевать природой, свергать с трона династии, менять судьбы людей...»

Слуги Смерти... Вот кого граф пытался сотворить в том подземелье. Покорных своей воле алхимиков, которые помогли бы ему добиться того, чего он жаждал. И в этой жажде он не пожалел ни себя, ни свою дочь.

Но выходит, что в Манускрипте Маледиктуса записано именно это? Способ вызвать трех всезнающих алхимиков, обитающих в царстве Короля Смерти? Бред.

Я взглянул на Василиска.

– Что ты знаешь о слугах Короля Смерти?

Змей лениво приоткрыл один глаз.

– А-а-а... Опять чита-а-аеш-ш-шь эту книжицу? О слугах я знаю лишь то, что ими становятся неприкаянные души, жадные до любви. А вот про того, кто пис-с-сал этот дневник, мне известно мно-о-огое...

Тот самый таинственный лекарь, которого приговорили к смерти? Предшественник Рэйдена?

– Что ты о нем знаешь? Расскажи?

Василиск поднял треугольную голову, увенчанную остроконечной черной короной.

– Он служил в кре-е-епости... долгие-долгие годы... Его познания Мертвой Алхимии были очень велики... Он был ча-а-ас-с-стым гостем в моем лесу... Подкармливал меня кровью мертвецо-о-ов, чтобы я не умер с голода... – На морде змея появился оскал, видимо, изображающий улыбку. – Но однажды он не пришел... Я пробрался в крепость, чтобы разузнать, куда пропало единственное с-существо, проявившее ко мне доброту...

Он надолго замолчал, только алый раздвоенный язык несколько раз выглянул наружу.

– Что с ним стало?

И Рэйден, и Ясуо говорили, что его обвинили в занятиях колдовством, пытали, а затем казнили.

– Он знал что-то, что хотел узнать генера-а-ал... Ему пришлось вытерпеть много пыток, но он не сдался, не сказал ни слова... Я все видел, но помочь ему не мо-о-ог... С-с-слабый и голодный змееныш, такой жалкий!.. Его били, резали, жгли... Но он просто смеялся им в лицо-о-о... А потом не мог и этого... Он был самым храбрым, кого я знал... – Змей начал свивать все новые и новые кольца. – Генерал устроил кровавое представле-е-ение... Казнь на площади... Убедил

глупцов, что тот, кто помогал и служил им, зло... Но правда в том, что он был нужен генера-а-алу, а потому он сохранил ему жи-и-изнь...

Я внимательно смотрел на змея. О чем он говорит?

Василиск снова оскалился, демонстрируя мне свои зубы-кинжалы.

– Только мне известно, что лекарь все еще в кре-е-епос-с-сти... Не жив и не мертв, но все еще существует...

– Ты хочешь сказать, что он?..

Зияющая пасть василиска разверзлась еще шире.

– Его обратили в Создание Ночи – теперь он бес-с-смертный кровопийца... бродит по крепос-с-сти, не спосо-о-обный ее покинуть...

Я выдохнул, не подозревая, что все это время задерживал дыхание. Значит, Ясуо и дети не врал. Они действительно видели Создание Ночи. Но, судя по их рассказам, они видели двух совершенно разных монстров.

– Как они обратили его? И для чего?

Василиск начал метаться вокруг огня.

– Чтобы сотворить Создание Ночи, нужно быть укушенным другим Созданием Ночи. Испии-ить его крови, а затем умереть. Возродившись, ты отныне уже ни живой, ни мертвый... Генералу Фао служило Создание Ночи, которое он держал в своей темнице. Он заставил своего ручного мо-о-онс-с-стра укус-с-сать лекаря. Но я помог гос-с-сподину бежать... – Змей издал странное прерывистое шипение, озна-

чавшее, видимо, смех. – Так что теперь по кре-е-епос-с-сти бродит голодный кровопийца...

Я думал, что ощущаю холод, но это было ничто по сравнению с ледяной стужей, сковавшей все тело ужасом. И я оставил Рэйдена там одного. Одного с двумя Созданиями Ноци, безумными и дикими в своей жажде крови. Наверное, на моем лице что-то отразилось, потому что василиск подполз ближе.

– Он не причинит вреда неви-и-инным... Я хотел, чтобы он ушел со мно-о-ой, в Ме-е-ертвый Лес... Но что-то держит его там...

– Тебе же все известно.

– Мне известны тайны бытия и запретные желания с-с-сее-ердца, но не то, почему люди с-с-соверша-а-ают свои глупые поступки... Но тебе не нужно бояться... Он никогда не причинит вред тому, кто завладел твоим холодным сердцем...

Я понимал, что глупо спорить и кому-то что-то доказывать, тем более даже не человеку, но все равно резко бросил:

– Мое сердце не холодное.

Василиск снова издал то странное шипение, которое я принял за смех.

– Мне ведомы все постыдные и тайные чаяния людски-их сердце-е-ец... То, что вы отчаянно пытаетесь скры-ы-ыть, я вдыхаю с запахом ваших тел... Знаешь, как пахнешь ты?.. – Василиск подполз ко мне ближе. – Хо-о-олодом и сме-е-ер-

только то, что я не собирался его посещать, пошатнет мою власть. Потому мне действительно придется стать кровавым тираном, держащим в страхе министров и придворных, чтобы даже пикнуть не вздумали против моих решений.

Я уже знал, что заберу Рэйдена с собой. Я не смогу оставить его в крепости, и сам не смогу там остаться. Хотя это было тем, чего я по-настоящему желал: быть где угодно, но лишь бы подле него.

И в этом василиск тоже был прав. Трон... Это то, чего жаждала моя мать. Она приучила меня к мысли, что я должен стать королем. Мне пришлось сделать охоту за тронном целью существования, потому что иначе я сошел бы с ума от мысли, что каждый день может стать днем моей казни.

Но становиться королем... Это никогда не было моим собственным желанием.

А ведь если подумать, то моим желанием стал Рэйден. Он был единственным, чем я хотел обладать в своей жизни. Смотреть на него, слушать его голос, даже ругаться с ним – было самым лучшим временем. Я постоянно был напряжен рядом с ним, не мог расслабиться ни на секунду, но от этого чувствовал лишь счастье. Пьянящее и будоражащее.

Если бы мы могли уединенно жить только вдвоем...

Я громко рассмеялся собственным фантазиям. Это уже не просто походило на безумие – я и впрямь сошел с ума. Но от мыслей, что смогу провести с Рэйдедом всю жизнь, меня охватывало какой-то ненормальной радостью, а по венам

начинало разливаться возбуждение, которое я больше не собирался сдерживать.

Не знаю, сколько мы шли. Секунды превращались в часы. Часы – в бесконечные серо-голубые дни. Холод, ветер, промерзшая земля, от сна на которой я весь был покрыт синяками. Губы потрескались, и я постоянно ощущал сухую кровавую корку, чуть солоноватую на вкус.

Мы с василиском почти ничего не ели. Животных здесь было мало, и удачная охота становилась настоящим праздником. Мы жадно пили дождевую воду, вкус которой начал напоминать сырую могильную землю.

Где-то здесь таились ответы на все мои вопросы, но иногда казалось, что мы никогда ничего не найдем и, кроме редкого леса и разбросанных повсюду камней, здесь больше ничего нет.

Что ж, эти земли вполне могли принадлежать Королю Мертвых. Иногда по небу блуждали призраки, похожие на длинноволосого извращенца, обитающего в ширмах. Они кружили над нами с василиском, словно пытались напугать.

– Кто они?

Я указал на серую ткань неба. По ней ползли несколько духов с развивающимися на ветру волосами, похожими на потоки чернил. Часто они спускались совсем близко, зависая надо мной, то ли пытаясь напугать, то ли понять, кто посмел их потревожить.

Их роскошные ханьфу трепетали крыльями гигантских птиц, а глаза и губы были покрыты странным макияжем. По векам расходились длинные черные и фиолетовые переливающиеся мазки.

– С-с-стражи ночных цветов... Мы уже бли-и-изко...

Больше он не говорил ничего. Я мог лишь гадать, какой властью обладали эти загадочные цветы, если их охраняли даже мертвецы. Слова василиска о том, что это нечто опасное, не шли из головы.

Я продолжал изучать дневники, находя все новые и новые заклинания, от которых становилось жутко даже мне. Но как все это использовать в борьбе за престол, я не представлял. Мне нужна была армия, верные союзники, умелые алхимики. А еще ресурсы.

Временами начинало казаться, что никакого чудесного манускрипта не существует вовсе. Меня затапливало отчаяние. Все попытки отстоять престол были бесполезны. Пора было признать, что я не обладал достаточными способностями для этого. Да, я владел боевыми искусствами, знал древний язык Мертвой Алхимии и... все. По сути, эти умения мне не особенно помогут. Королевский дворец – место, где ты не просто на виду. Ты – мишень. Любое слово может стать занесенным мечом. Взгляд или эмоция – приговором.

Но я не мог оставить Ванжан на растерзание отцу и министрам. Они растащат страну по клочкам. Все, кому не лень, разворовывают казну, люди голодают от неурожаев и непо-

мерных налогов. Бунты – лишь вопрос времени. Армия слаба, неумела и плохо вооружена.

Ванжан слабеет с каждым часом. Если наши соседи прознают об этом, то исход будет один: война. И мы ее не выиграем. А еще есть кочевники на юге и востоке.

Но больше о Ванжане позаботиться некому. Я не смогу бросить свою страну.

Внутренний голос издевательски рассмеялся:

«А если голубоглазый лекарь попросит?»

Я знал, что ради Рэйдена пойду на многое, если не на все. Даже в это безумное путешествие я отправился из-за него. Но выбирать между ним и Ванжаном я не мог.

Возможно, он согласится отправиться со мной в столицу. Я подкуплю его всем, чем смогу. А если он откажется, то заберу силой.

Я кивнул самому себе, соглашаясь с этим решением, и вернулся к чтению дневников. Небо понемногу светлело, костер уже догорел, лишь обуглившиеся головешки слабо тлели, навевая мысли о черных монахах.

Василиск спал, а я бездумно пялился на исписанные страницы. Нужно и мне немного отдохнуть. Но из-за усталости и напряжения сна не было ни в одном глазу, и я обреченно ждал того момента, когда мы продолжим наш путь.

На одной из последних страниц что-то заставило меня остановиться.

Изображение ночного неба. Завитки облаков, луна, ту-

манная дымка и склонившиеся к земле стебли осоки. Рисунок был настолько искусен, что казалось, будто осока колыхается.

Я не сразу понял, что в рисунок вплетены два столбика иероглифов.

Первая надпись словно была частью изображения – она казалась неотделимой от него. Элементы иероглифов переходили в облака и стебли.

Я присмотрелся.

«...И дрожишь, как прекрасный цветок...»

Походило на строчку из стихотворения. Но из какого? И почему только одна строка, да еще и такая?..

Мозг будто сам дал подсказку. Древний сундук в Павильоне Дождей. Нацарапанная на нем надпись из незнакомого стихотворения:

«Молодой господин, ты изящен...»

«И дрожишь, как прекрасный цветок...»

Конечно! Не хватает еще одной строки.

Если подумать, в том сундуке лежали маски для представлений и несколько черных ханьфу. И золотая вышивка на верхнем халате была той самой, что нарисована в дневнике! Не хватало только гор. Верно! На том халате были еще вышиты горы, а вместо луны – полумесяц. Может, это подсказка? Чутье твердило, что с этим стихотворением что-то не так. И я во что бы то ни стало должен понять что.

Второй столбик являл собой наскоро начертанные иеро-

глифы привычного языка:

«Учение о всемогущих богах древности».

Демонов сборник поэзии, который я не удосужился прочитать! Должно быть, так и пылится где-то в моих покоях.

Я снова уставился на рисунок. Наверное, в нем скрыт какой-то смысл, недаром же таинственный лекарь нарисовал его в своем дневнике, а мастерица вышла на ханьфу. И оторванные друг от друга строки из стихотворения...

Я спрятал дневники в сумку и прикрыл глаза, заставляя себя хоть немного поспать.

И тут же я увидел Рэйдена, неспешно бродящего по той части дворца, где жили мы с матерью. Верно, я поселю его именно там. Пусть меняет все как пожелает, но я хочу, чтобы он жил там. Это место идеально ему подходит. А от одной мысли, что он будет ходить по тем же местам, где ходил я, и спать в той же кровати, в которой спал я, мертвецкий холод понемногу отступал.

Наверное, я начал проваливаться в сон, потому что отчетливо видел картинки, которых никогда не существовало в реальности. Вот Рэйден бежит ко мне и крепко обнимает. А вот мы, переодевшись в двух аристократов, сбегает из дворца на праздник в город. Или, притворившись двумя учеными, идем выпить в Дом Услады, где запираемся в комнате, но без сароен. Только мы, вдвоем...

Предчувствие тревоги заставило сон развеяться мутной дымкой. Я открыл глаза и резко сел, хватаясь за меч. Костер

погас лишь недавно – от него к небу все еще тянулась ниточка сизого дыма. Василиск спал, свернув тело в броне тугими кольцами. Я судорожно оглядывался, пытаюсь понять, что не так, и не находя ничего необычного.

Все тот же редкий лес с засохшими от старости и холода деревьями. Все тот же овраг, в который мы вчера спустились, чтобы переночевать. Все было прежним. И все же что-то было не так.

Я осторожно поднялся на ноги и осмотрелся. Прохладный ветер принес с собой насыщенный аромат каких-то цветов и почему-то моря. Чиркнув по щеке, ветер швырнул мимо лоснящееся воронье перо. Я инстинктивно выбросил руку вперед, ловя его двумя пальцами.

Странно, мы давно не видели здесь ни одной птицы. Откуда бы ему взяться?

Я посмотрел вверх, ожидая увидеть стаи воронья, но все небо было затянуто рваным белым туманом. Он дрожал и колыхался, как старая ветхая ткань.

В спину словно врезались сотни бабочек. Сзади летели мириады темно-фиолетовых цветочных лепестков. Я обернулся. На другом конце оврага стояли трое мужчин. За спиной одного из них развивался плащ, но почему-то казалось, что это два вороновых крыла. Другой, согнув руку, вращал кистью. Над его ладонью завивались вихрями цветочные лепестки.

Третий, стоящий посередине, заложил руки за спину и

смотрел на меня, насмешливо наклонив голову.

Это были первые люди, которых мы встретили за все время путешествия. Хотя что-то подсказывало, что называть их так – ошибка. Возможно, они были алхимиками? Или еще кем-то, но точно не обычными людьми.

Я пнул носком спящего василиска, который так и не шевельнулся.

– Просыпайся...

Тот, который удерживал в воздухе цветочные лепестки, с издевкой крикнул мне:

– Он не проснется. Теперь придется справляться самому...

Они стали приближаться. С каждым мгновением я мог рассмотреть их все отчетливее. И с каждым мгновением я понимал, что это кто угодно, но не люди.

Их ханьфу были бы слишком богатыми даже для дворца, соперничая с одеяниями короля. Волосы распущены, а полупучок на макушке удерживали шпильки, украшенные гравировкой и драгоценными камнями. И судя по мастерству работы, отдано за них было по меньшей мере состояние.

Но самым странным было не это – как ни старался, я не смог разглядеть при них никакого оружия.

Они приближались, а я пытался понять, как с ними справиться. В том, что они намерены сражаться, не было никаких сомнений.

– Зачем же простой смертный пожаловал в наши владе-

ния?

Тот, который управлял цветочными лепестками, разглядывал меня с нескрываемым любопытством. Двое же других по-прежнему хранили молчание.

Я тоже молчал. Просто смотрел на них, выискивая возможные слабости, которых, казалось, не было вовсе.

Неожиданно тот, что стоял в центре, криво ухмыльнулся.
– Ты же знаешь, он не простой смертный. Он – принц Сун-линь из северного королевства людей. Ванжана...

Незнакомец в плаще, похожем на вороны крылья, наигранно улыбнулся.

– Принц? Разве так выглядят принцы? Скорее, это нищий крестьянин, который забрел к нам по ошибке. Возможно, он шел в соседний город – продать рис или... себя...

Откинув голову назад, он громко рассмеялся, а я понял, что до этого не замечал их странного макияжа.

Они будто готовились к Джеоншину, нанеся на веки замысловатые рисунки. У того, который по-прежнему заставлял лепестки кружить по воздуху, по векам тянулись длинные изломанные ветви с темно-фиолетовыми цветками. У стоящего посередине были нарисованы веера. Этот необычный макияж занимал почти все лицо, и казалось, что его глаза скрыты маской. У того, который был в плаще, на веках застыли вороны крылья.

Крылья... Я ведь уже видел этот рисунок. Видел... Извращенец, прячущийся в ширмах! Конечно! В последний раз он

приходил ко мне именно в таком виде. Еще спрашивал, понравился ли мне его макияж к Джеоншину.

Незнакомец перестал смеяться и уставился на меня, заметив мой пристальный взгляд.

– Похоже, принц слишком серьезен. Не оценил мою шутку.

– Нет. – Я ответил ему прямым взглядом. – Просто вспомнил, что видел кое-кого, похожего на вас.

На лицах всех троих отразилось удивление, но они мгновенно взяли себя в руки, вновь нацепив маски насмешливого равнодушия.

– Похожий на меня? Должно быть, такой же красивый?

Правила этой игры я знал. Сейчас он пытался выведать у меня, что мне известно, и не подать вида, насколько это важно для него.

– Нет.

Я коснулся пальцем века и поднял брови, намекая на его макияж.

И снова на их лицах мелькнуло удивление.

– Что ж, принц-бродяга, а ты и в самом деле интересный... Зачем пришел к нам?

Я не знал, кто они, но решил ответить честно. Василиск так и не очнулся, а они единственные, кого мы здесь встретили. И могут что-то знать.

– Я ищу ночные цветы. И Манускрипт Маледиктуса.

Несколько мгновений они молчали, глядя на меня так,

словно повстречали призрака.

– Ну-у-у... ты их нашел.

Незнакомец, зачаровавший лепестки, криво ухмыльнулся.

Мне потребовалось приложить все усилия, чтобы не выдать свое замешательство. Но трое незнакомцев, похоже, знали, что я не понимал происходящего.

– Мы – братство Ночных Цветов. Братство лучших воинов севера. Но ты вторгся на наши земли, знаешь, кто мы, а потому должен умереть.

Он швырнул в меня горсть лепестков, которые теперь походили на крошечные лезвия. Сверкая острыми краями, они летели прямо на меня, и я едва успел оттолкнуться от земли, взмывая в воздух. Чиркнув лезвием по склону оврага, швырнул сухие листья и комья земли в лепестки.

Незнакомец хмыкнул и взмахнул руками. Я отразил первую атаку, но, похоже, для него это было лишь развлечение. Он не вынимал никакого оружия и даже не двинулся с места. Да ему это и не нужно было. Я уже понял: они способны одолеть меня и без оружия.

Ночные Цветы. Братство воинов! Так какого демона никто не знает о них?!

Додумывать уже было некогда. С бешеной скоростью в меня летели острые лепестки-лезвия. Они подчинялись движениям воина, любой части его тела, и были почти совершенным оружием. Я понимал, что дело времени – когда я уже

не смогу уклоняться от ударов и блокировать их. Я метался, как лисица, пойманная в капкан, пропуская все больше ударов. Лепестки жалили, оставляя десятки мелких порезов, которые, возможно, и не представляли бы опасности, если бы их не было столько.

Я начал уставать. Куда бы ни устремлялся, лепестки бросались за мной. Несколько лезвий прошлись по лбу, и в глаза тут же потекла кровь, из-за которой я едва не упустил тот момент, когда воин в плаще встал в боевую стойку.

Я с трудом успел подпрыгнуть и направить тело к дереву, когда ко мне полетело многоликое существо, сотканное из вороньих перьев. Из черной тучи выделялись вороновы головы с длинными клювами и горящими голубыми глазами. Стая птиц словно была одним целым, слившись телами. Перья превратились в маленькие наконечники стрел, которые врезались в стволы деревьев с такой силой, что в сторону полетели щепки.

Против подобной силы я не мог выстоять, но и сдаваться не имел права. Но их и хитростью не взять. Хотя бы потому, что я даже не мог приблизиться на расстояние удара мечом.

Стоящий посередине воин вдруг снял с пояса веер и одним неуловимым плавным движением раскрыл его. Он неторопливо обмахивался, глядя на то, как я пытаюсь выстоять под натиском лепестков-лезвий и дикой стаи воронья. Словно смотрел забавное, но недостаточно увлекательное представление.

Вот только веер у него был боевым, и мне оставалось лишь ждать, когда он продемонстрирует свое мастерство.

Понимая, что наша битва продлится ровно до тех пор, пока я не упаду без сил, я решил рискнуть.

Отвлекая их внимание, метнул меч в повелителя лепестков. Отразить этот бесхитростный удар было легко и много времени не заняло. Тем более у таких воинов. Но этой заминки оказалось достаточно, чтобы я смог приблизиться к ним и запрыгнуть за спины, вынимая метательные ножи. Лишь два из десяти достигли цели, срезая пряди на длинных волосах. Но чтобы это сделать, мне пришлось раскрыться и позволить лепесткам и вороньим клювам вонзиться в меня. Боль была такой силы, что на несколько мгновений потемнело в глазах.

Клювы и перья разорвали плоть на животе и горле. Меня захлестнул черный вихрь вороньей стаи, и тут же из пластин веера вырвались несколько шипов. Я смог отбить их, но далеко не все... Больше пропустил. Грудь и живот словно вспороли.

Я упал на землю, харкая горячей соленой кровью. Она клокотала в горле, душила. Я захлебывался, пытаюсь сделать вдох, но ничего не получалось. Кашель обжег легкие, и я выплюнул багряный сгусток на собственные пальцы.

Я понимал, что теряю сознание, но страха не было. Откуда-то я точно знал, что не умру. Потому что должен был вернуться к своему лекарю.

Глава 3

Смертоносное искусство

Пробуждение было мучительным. Во рту пересохло, а на потрескавшихся губах застыла засохшая корка. Едва коснувшись ее языком, чтобы хоть немного облегчить жажду, я вздрогнул от боли. Казалось, что к губам прижали раскаленный металл.

Но боль прошла по всему телу, вызывая мучительные спазмы в груди и животе. Ноги свело судорогой.

Я с трудом открыл глаза. Кожу жгло от невыносимого жара. Неожиданно к губам прижался гладкий фарфор, и в рот полилась прохладная жидкость с легким цветочным ароматом.

Я закашлялся, выплевывая только что выпитое.

– Тише-тише... Спокойнее... Пейте...

Я наконец рассмотрел сидящего рядом юношу в белом ханфу с тонкой шелковой повязкой на лбу.

Понимая, что я на него смотрю, юноша улыбнулся.

– Меня зовут Баи. Я буду служить вам. – Он помог мне приподняться. – Вот, выпейте все.

Я послушно проглотил освежающую жидкость и огляделся. Просторные, но мрачные покои в багряных и золотых тонах навевали мысли о смерти и Кровавом Закате.

– Где я?..

Это все, что я смог выдать из себя.

– В обители братства. – Баи радостно улыбнулся. – Вы – первый, кого сюда допустили, за много лет.

– Братство... Ночных Цветов?..

Я попытался сесть и тут же согнулся от боли.

– Осторожнее! Ваши раны еще не зажили. – Баи подоткнул мне под спину подушку и снова восторженно улыбнулся. – Я приложил много усилий, чтобы спасти вас. Нельзя, чтобы мои усилия пошли насмарку.

– Ты – лекарь?

– Да. – Баи светился необъяснимой радостью. – Кроме вас здесь не было людей уже сотни лет. Но мои мази должны быстро поставить вас на ноги.

Я посмотрел на свою грудь, обмотанную повязками так, что не видно было ни клочка кожи. Будь здесь Рэйден, я бы уже ходил.

Вдруг я понял, что он сказал...

– Сотни лет?.. Сколько же тебе тогда?

– Я попал сюда, когда мне исполнилось пятнадцать. Это было в год осады столицы кочевниками с востока. Ах да, в тот же год Бог Огня разгневался и заставил гору Джу Су плакать огнем.

Осада столицы и извержение Джу Су... Это было почти четыре сотни лет назад.

Я сглотнул вязкую горечь.

– Значит, ты бессмертный?

Баи снова радостно улыбнулся и кивнул.

– Как и все здесь. Я из клана Летящих Лезвий. – Он стыдливо опустил взгляд. – Это наш глава вас так сильно ранил.

– Ваш глава?..

– Да. Мастер Мингли. Повелитель всех опавших лепестков. Мастер Ченг – глава клана Тысячелетних Воронов. Он повелитель всех мертвых птиц. И мастер Юн – глава клана Ураганных Вееров и повелитель дыхания мертвецов. Они принесли вас сюда...

– Почему не убили?

Смутно знакомый голос насмешливо спросил:

– Разве ты шел сюда затем, чтобы умереть?

В покои вошел воин, так и не вступивший в бой. Видимо, это и был мастер Юн. Он неторопливо обмахивался веером, заложив другую руку за спину.

Подтверждая мою догадку, Баи быстро поднялся и поклонился.

– Мастер Юн.

– Как твой подопечный?

Мастер подошел ближе, и я смог увидеть то, что нарисовано на его веере. Серп полумесяца, словно кто-то подвесил его на невидимые нити. Пруд с лотосами и зарослями осоки на берегу. И небольшая дуга моста. Снова эта картина. Но детали были изменены.

Я так внимательно рассматривал изображение, что едва

не упустил из виду столбик изящной каллиграфии. Мастер Юн встал рядом со мной, и я смог прочитать:

«...на первом осеннем ветру».

Снизу вверх я посмотрел на главу клана. В его взгляде была лишь темнота. Никаких эмоций. Он словно ждал чего-то.

«...на первом осеннем ветру...»

Это ведь не название картины. Нет.

– Господин удивительно быстро пришел в себя. – Баи снова поклонился и посмотрел на меня с непонятной гордостью. – Он идет на поправку. Через пару дней мои укрепляющие снадобья поставят его на ноги.

Мастер Юн величественно кивнул и сложил веер. Махнув рукой, он молча приказал Баи уйти, а сам сел на край моей кровати.

– Значит, удивительно быстро пришел в себя? – Он повторил слова Баи и улыбнулся уголком губ. – Господин действительно удивительный. Не у каждого принца столько шрамов.

Я вскинул бровь.

– А вы знаете много принцев? Баи сказал, что за сотни лет я первый, кто оказался здесь.

Мастер хмыкнул.

– Баи... Он невероятно много болтает.

– Что это за место?

– А куда ты шел?

Мастер Юн принялся лениво перебирать пузырьки с лекарствами, которые оставил Баи.

– Я уже говорил вам. Там, в овраге.

Мастер Юн снова улыбнулся уголком губ и отвернулся.

Что ж, если они меня не убили, а привели сюда и даже лежат, значит, убивать и не планируют. Но и отпускать тоже...

– Что с василиском?

– М-м? – Юн впервые открыто удивился, снова повернувшись ко мне. – За свою жизнь ты не боишься, а о змее спрашиваешь... – Его голос звучал задумчиво. – С ним все хорошо. Кружит над крепостью, угрожая обратить всех в камень, если сделаем что-то с тобой. Чем ты заслужил такую преданность?

Я не стал отвечать, а решил задать свой вопрос:

– Те призраки... следили за нами? Вы ведь знали, что мы идем.

– Да. Это наши мертвые братья, оставшиеся здесь, чтобы защищать обитель.

– Защищать? – тут уже усмехнулся я. – От кого? Кажется, у вас нечасто бывают гости.

Его челюсти раздраженно сжались.

– В овраге ты сказал, что видел кого-то похожего на мастера Ченга.

Так вот что ему было нужно.

Я спокойно кивнул.

– Да.

Похоже, его выдержка дала трещину. В этом ему меня не переиграть. Не все можно решить мечом. Каким бы искус-

ным воином он ни был, иногда нужно говорить. Играть словами, расставлять ловушки вопросами, заманивать в капкан как бы случайно брошенными фразами. Сотни лет он лишь отдавал приказы своему клану. Я же пытался выстоять среди министров и выдержать бой с собственным отцом.

Мастер Юн медленно выходил из себя.

– Я бы хотел узнать... где и когда ты встречал воина братства.

– Почему я должен вам рассказывать?

Порыв ветра промчался по покоям, шевеля занавеси и полог кровати. На его лице сам собой начал проступать тот странный макияж – два веера, растянувшиеся по векам и вискам.

– Потому что мне ничего не стоит убить тебя. Неужели ты не понял, насколько слабее нас? Слабее самого бездарного ученика.

Я развел руки в стороны, открывая грудь для удара.

– Ну, так вот он я. Неспособный даже защищаться.

Мастер Юн взял себя в руки. Рисунки на веках начали бледнеть.

– За нашим боевым искусством охотились столетиями. Может ли наивный принц представить, что случится, если им овладеет недостойный? Наши братья умирали под нечеловеческими пытками, но не выдавали секретов братства.

В его голосе слышалась печаль и... вина.

– Сейчас о вашем братстве забыли. Ночные Цветы – лишь

название никому не известной пограничной крепости. Ее жители верят, что цветы – растения, обладающие невероятной силой, из которых можно сварить множество лечебных зелий.

– Значит, ты прошел такой путь ради мифических цветов для лекарств?

– Не только.

– Что же еще?

– Я ищу Манускрипт Маледиктуса.

Мастер Юн усмехнулся.

– Обладать им может лишь достойный.

– Боюсь, недостойные с этим не согласны.

– Манускрипт был создан тысячелетия назад, когда даже воздух был пропитан алхимией. Он есть суть самой алхимии. Всех ее элементов. Древняя мощь в первоизданном виде, не опороченная ни добром, ни злом. Всего этого для Манускрипта не существует.

Я не разобрался в алхимии настолько, чтобы понимать ее суть, но то, что говорил мастер Юн, не вязалось с тем, что я слышал раньше. Да и его прежние слова...

Я улыбнулся.

– Как же тогда «Обладать им может лишь достойный»?

– Достойный – не значит рыдающий из-за каждого невинно раздавленного насекомого. Иногда тот, кто пролил реки крови, достойнее того, кто не сделал ничего. И все-таки я бы хотел услышать о брате, которого ты видел.

Я решил рассказать:

– Это был призрак. В крепости. На его веках тоже были нарисованы крылья. Он сказал, что это макияж к Джеоншину. Но рисунок был точь-в-точь как у мастера Ченга.

Лицо Юна превратилось в маску. Челюсти сжались так сильно, что был слышен скрип зубов.

– Отдыхай. Тебе нужно как можно скорее восстановиться.

Он стремительным шагом направился к дверям.

– Чтобы уйти?

Уже отодвинув в сторону створку двери, он обернулся ко мне.

– А ты шел сюда столько времени, чтобы сразу же уйти?

Я тонул... в аромате спелых плодов сливы. Сочная мякоть источала пьянящий запах, от которого кружилась голова, и перед глазами плыл туман. Все вокруг дрожало в белой мерцающей дымке. Четкой оставалась лишь фигура Рэйдена, облаченного в белоснежную нижнюю рубашку и штаны. Завязки свободно болтались, не сдерживая разошедшиеся полы. Холодное осеннее солнце скользило по его телу, оставляя на бледной коже россыпь золотой пыли. По его словно выточенной искуснейшим мастером груди стекали капельки испарины. Из влажных волос, по привычке зачесанных назад, выбилось несколько непослушных прядей, которые дрожали, скрывая его глаза. Он играл на своей иноземной лютне. Играл только для меня.

Я лежал на кровати, пробуя на вкус только что собранные сливы, пока Рэйден перебирал тонкими пальцами упругие струны. По его пухлым губам блуждала лукавая улыбка, а бросаемые на меня исподтишка взгляды горели синим огнем.

Он соблазнял меня. И я это знал. Он видел, что я понимаю его замысел, но действовал еще отчаяннее, без капельки стыда. Запрокидывал голову и демонстрировал беззащитную обнаженную шею, к которой мне так отчаянно хотелось прикоснуться губами.

От каждого движения, от каждого удара по струнам его рубаха сбивалась в разные стороны, показывая мне все больше обнаженной плоти. Я никогда не был ценителем мужской красоты. Но Рэйден... Он переворачивал все внутри меня. Его женственная фигура завораживала. Чарующие движения рук и плеч были подобны танцу сароен. И в то же время в нем чувствовалась скрытая сила, изящная мощь, таящаяся в разлете ключиц и четких линиях груди. Мышцы на плоском животе каждый раз, когда он особенно резко бил по струнам, слегка подрагивали.

Неожиданно Рэйден отложил лютню и, хитро улыбнувшись, прямо посмотрел мне в глаза. Никто, кроме него, не позволял себе подобного. Никто и никогда.

– Вы знаете, что слишком жадны, мой принц?

Я не понимал, что шевелит тонкие занавеси вокруг моей кровати, свежий вечерний сквозняк или дыхание Рэйдена.

– Почему же я жаден? Разве я не даю тебе все, что ты хочешь?

В горле пересохло так, что казалось, будто я проглотил песок. Но не вода должна была меня спасти, а поцелуй хитрого Рэйдена. Его влажный язык, касающийся моего и смачивающий губы капельками теплой слюны.

– Я хочу слив...

Так и не вставая на ноги, он подполз ко мне и откусил маленький кусочек от половинки сливы, которую я держал в руке. Его горячие губы, словно ненароком, задели мои пальцы, и живот сжался в предвкушении чего-то большего. В пах хлынула обжигающая волна, и перед глазами сразу потемнело. А быть может, это просто солнце село за горизонт, освобождая место таинственному осеннему сумраку.

Будто зная, что творит со мной, Рэйден коварно улыбнулся и повторил:

– Я хочу слив и вас...

Он опустил голову, глядя на меня из-под золотых бровей. Словно я мог отказать ему в этой просьбе!

Я кивнул, накрыл свободной рукой его затылок, притягивая его голову к своему животу. Сок сливы потек по ладони прохладной липкой влагой, распространяя вокруг пьянящий запах.

Голодно облизнувшись, Рэйден склонился надо мной, упираясь пальцами в мою грудь, оставляя алые лунки от ногтей, вспыхивающие сладкой болью. Его рубашка совсем рас-

пахнулась, и я как зачарованный устался на совершенно гладкую грудь, без единого волоска. Полоска волос под пупком, убегающая за пояс штанов, была словно потоком лавы, обрушившейся на меня прямо из жерла огненной горы.

Я хотел мужчину. И собирался позволить ему прикоснуться ко мне. Более того – жаждал этого. Моя рука все сильнее надавливала на его затылок, и против собственной воли я затаил дыхание, ожидая прикосновения его губ или хотя бы возможности ощутить горячее дыхание кожей живота.

Это было неправильно! Это было порочно и извращенно!..

Но когда ногти Рэйдена прочертили кровавые борозды по моему телу и схватились за пояс штанов, стягивая их с бедер, мне стало абсолютно все равно, кто передо мной. Мужчина... Женщина... Плевать! Это Рэйден, и лишь он был важен.

Я хотел чувствовать его. Каждую клеточку его тела. Каждый стон, предназначенный лишь для моих ушей. Каждый вскрик, разлетающийся по дворцу. Наверняка все догадаются, чем занят принц, уединившийся в своих покоях с красавцем лекарем. Наверняка каждый поймет, какое именно лечение я получаю.

Но если бы это меня действительно волновало...

– Наш принц так горяч!..

Расстояние между моим животом и губами Рэйдена было меньше выдоха, но он не торопился его преодолеть.

– Твой принц... только твой...

На коже выступила испарина, и Рэйден вдруг высунул язык и слизнул несколько капель под моим пупком.

– И вправду говорят, что в королевской династии кровь богов. Вы такой вкусный... Мне все время хочется съесть вас. – Продолжая улыбаться, Рэйден потянул мои штаны вниз, освобождая давно восставшую плоть. От того, что он видит меня полностью обнаженным, таким, как есть, стало еще жарче. Я знал, что сгорю в тот момент, когда он узнает, как действует на меня, какой властью надо мной обладает. – Вы утолите мой голод?

Он вдруг резко дернул ткань, стаскивая мои штаны до колен и заставляя задохнуться под его горящим взглядом.

Член подрагивал у самых его губ. Я поднял бедра, безмолвно умоляя коснуться жаждущей плоти, сжать губами и взять так глубоко в горло, как он только сможет.

– Я напою тебя...

– Очень надеюсь на это. Потому что ваше вино принадлежит только мне...

– Тише-тише... Я просто сменю повязки.

Я распахнул глаза, встречаясь с обеспокоенным взглядом Баи.

– Вы пришли в себя? – Он накрыл влажной тряпицей мой лоб. – У вас вдруг начался жар.

Рэйден... Я осмотрелся, ища взглядом прекрасного лека-

ря. Его аромат невидимым маревом висел в воздухе, прямо надо мной.

Но, кроме Баи, в покоях не было никого. Я уже понимал, что все привидевшееся – лишь сон, но не желал с этим мириться. Он должен быть где-то рядом, ведь его аромат здесь.

– Откуда этот запах?

Я изо всех сил вцепился в плечо Баи.

– Какой запах?

– Сливы! Пахнет сливами...

– Ах, это?.. Я принес сливовое вино. Думал, выпить с вами...

Я отпустил Баи и упал обратно на подушку. Вино. Он всего лишь принес вино.

– Ну и напугали вы меня!..

Баи устроился на краю кровати, задумчиво меня рассматривая.

– Ты же лекарь – тебе не привыкать к смертям.

– Смеетесь? Я не хочу стать тем, кто угробит наследного принца. – Он чопорно расправил широкие белоснежные рукава. – К тому же хоть я и редко здесь кого-то лечу, но надеюсь, что не утратил своих навыков.

Я заставил себя сесть.

– Не утратил. Мне уже намного лучше.

Баи невесело хмыкнул.

– Ну да. Настолько лучше, что теперь у вас жар. – Потянувшись, он взял со стола пузырек с жидкостью нежно-сире-

невого цвета. Внутри кружился оранжевый вихрь. Таких лекарств я не видел даже в алхимии. Не глядя на меня, он с демонстративным равнодушием спросил: – Кто такой Рэйден?

Все внутри сковало льдом. Холодный пот выступил на коже и раздражающе щекотно потек по спине.

– Откуда ты знаешь о нем?

– В бреду вы постоянно повторяли это имя. Звали, умоляли, даже плакали.

Я коснулся щеки: действительно, чуть влажная и неприятно стянутая от высыхающих слез.

– Он... тоже лекарь. Служит в крепости.

– А-а-а... Ясно. Он ваш близкий друг?

Проклятье, что я успел наговорить, пока был в бреду?

– Скорее... нет.

Баи вскинул брови. Откупорив пузырек, он смочил странной жидкостью тряпицу и прижал ее к одной из моих ран. Только сейчас я заметил, что бинты исчезли. Должно быть, он снял их, пока я был в беспамятстве.

– Как это? Кажется, что он дорогой для вас человек.

Неожиданно я почувствовал, что больше не могу держать эти ядовитые чувства в себе. Я не хотел ни с кем делиться ими, но слова сами собой вырвались из-под контроля.

– Он для меня – да. Но не я для него.

От странного лекарства в ране началось жжение, охватившее все тело. В голове вдруг поплыл туман, и голос Баи теперь доносился словно издалека. Я обещал себе, что больше

ничего не расскажу о Рэйдене, но даже мысли о нем доставляли мучение, которое невозможно было терпеть.

– Он для вас... больше чем друг. Верно?

– Почему тебя это так интересует?

Баи вновь пожал плечами.

– Потому что вы мне любопытны. Я никогда раньше не встречал наследных принцев.

– Меня никогда и не объявляли наследным принцем.

– Но все же вы – принц. И очень необычный. Вы нашли нашу обитель, смогли выстоять в схватке с тремя мастерами и приручили василиска. Я впервые встречаю кого-то столь... необыкновенного. Оттого вдвойне любопытно, кто мог посметь отказать вам в дружбе?

– У правителей не может быть друзей. Лишь слуги и подданные.

Истина, вбитая в меня матерью. Даже лишенный трона, я был обречен на одиночество.

– Я бы хотел стать вашим другом.

Закончив протирать мои раны, Баи принялся накладывать на них терпко пахнущую мазь. В нос ударил запах дымка от костра и влажного леса. Мертвого леса. С его ссохшимися деревьями, лошадиными черепами и неведомыми растениями. Я будто снова оказался в крепости. Вот только вместо Рэйдена совсем другой человек. Баи наносил мазь длинной тонкой палочкой, иногда умудряясь задевать мою кожу пальцами.

Почему на его прикосновения внутри ничего не отзывается? Почему я остаюсь равнодушен к тому, кто открыто предлагает дружбу и выражает свою симпатию?

Баи привлекателен и искусен в медицине. Красивый лекарь. Разве не этими же словами можно описать Рэйдена?

Так почему к одному я не чувствую ничего, а при мысли о втором начинаю заживо гореть? Наверное, я зря переживал, что мне нравятся мужчины. Но и к женщинам я теперь равнодушен.

Просто тот, к кому я начну что-то чувствовать, должен быть Рэйденом.

– Такое долгое молчание... – Баи заглянул мне в глаза, неумело пытаюсь скрыть блуждающую по лицу печаль. – Он настолько хорош?

– Он невероятен.

Баи разочарованно отодвинулся.

– Я наверняка ему во многом уступаю, но не так уж и плохо.

С трудом, но мне удалось сесть и спустить ноги с кровати. До этого жизнерадостный Баи сейчас и впрямь выглядел как увядший цветок. Что вообще происходит?

– Ты искусный лекарь. Вам бы было о чем поговорить. И я буду рад, если ты станешь моим другом. Только другом.

– Но его вы хотели бы назвать иным словом, верно?

– К чему все эти расспросы?

Баи отвернулся и встал. Он возился со своими склянками, будто забыв о моем существовании, но напряженная спина

выдавала его.

Затянув пояс на нижнем халате я подошел к Баи и сжал его плечо.

Он опередил меня, тихо попросив:

– Расскажите о нем. Хочу знать все.

Я устал держать в себе эти чувства и страхи. Устал считать себя ненормальным из-за того, что меня тянет к мужчине. Я хотел заявить всем, что мне нравится голубоглазый целитель. Что он мой. Я хотел открыто взять его за руку и прогуляться по уличному рынку. Хотел вместе с ним отправиться на городской праздник. Хотел при всех обнимать и целовать.

Но вместе с тем меня ломало от мысли, что о Рэйдене кто-то узнает. Он был только моим. Я не хотел, чтобы другие даже имя его произносили. Все с ним связанное принадлежало мне.

Но сейчас нас с ним разделяли тысячи ли. Он в окружении тех, кто с легкостью мог отобрать его у меня. И плевать, что до нашей встречи у него была своя жизнь. Теперь его жизнь связана с моей. У нас одна судьба на двоих. Сейчас я не знаю, чем он занят, все ли у него хорошо. А что, если на крепость нападут черные монахи? Или он опять в одиночку отправится в Мертвый Лес? Меня нет рядом, чтобы защитить его. Чем дальше я нахожусь здесь, тем большей опасности он подвергается. И тем меньше у меня шансов его заполучить. Вокруг него всегда вьются женщины. Да и мужчины тоже. И только мне он недоступен.

Я притащу ему демонов Ночной Цветок и заставлю признаться в своих чувствах, чего бы мне это ни стоило. Это сложно, но не невыполнимо. В конце концов, более сильные и искусные противники меня не убили. Оставили в живых с какой-то целью. И явно не только для того, чтобы рассказать о Духе Ширм. Они с легкостью могли подвергнуть меня пыткам, а потом убить. Но я все еще жив. Меня даже лечат. И ключ к ответам – Баи.

Я серьезно посмотрел на него.

– Мы можем прогуляться? Не могу здесь больше оставаться.

Баи кивнул и молча направился к дверям. Я последовал за ним, собирая по крупицам оставшиеся силы.

Он был тем, кто мог все здесь мне показать, рассказать о братстве и... стать тем самым цветком, который я привезу Рэйдену. Всего-то и нужно – проявить к нему больше дружелюбия. Наверное, мне должно быть стыдно за то, что я использую чужие чувства. Но желание обладать Рэйденом пересиливало все. Боги, в кого я превращаюсь?

Баи вывел меня из покоев. Дерево, камень и яркие краски росписей – это место построили будто вчера. Сотни зажженных свечей разбрасывали по стенам жуткие тени, похожие на черных монахов и зубастых демонов. Каменные колонны с витиеватыми барельефами напомнили подземелье в поместье графа Виерна. Я даже остановился, пытаюсь лучше рассмотреть убегающие в черную вышину фигуры. Из камня в

Ванжане строили только крепости.

– Это первый василиск... – Стоящий рядом Баи, как и я, задрал голову, рассматривая обвивающее колонну змеиное тело. – Отец всех змей.

Крылья василиска поддерживали потолок.

– Я уже видел подобное.

– Правда? – Грусть на лице Баи сменилась удивлением. – Где же?

– В поместье одного из придворных мой алхимик нашел подземелье. Только там вместо василиска были черные фениксы.

Глаза Баи расширились. Кажется, он прекрасно знал, о чем я говорю.

– Не могу поверить... Похоже, вы отыскали заброшенную крепость Ночных Цветов.

Я вскинул брови. Да сколько у этих цветов вообще крепостей?

Видя мою реакцию, Баи взял меня за руку и потянул в лабиринт коридоров. Запах влажной земли и сосновой смолы навевал мысли о кладбище. Я будто шел по обители мертвых. Даже Баи казался призраком. Да и сам я... жил ли когда-нибудь по-настоящему?

– Вот. – Баи забрал из подсвечника одну из свечей и вытянул руку вперед. Мы стояли в тупике длинного коридора. На стене висела небольшая карта. – Первая крепость. – Он коснулся пальцем схематично изображенного красной тушью

здания, а потом провел линию до следующего. – Вторая крепость. И третья.

Все три крепости находились на одной линии. На карте не было никаких подписей, но по очертаниям я узнал Ванжан. Получается, что первая крепость располагалась в столице. Вторая – на границе, в Ёру. Ну, а третья была той самой, где я сейчас находился.

– Вижу, вы поняли. – Баи поднял свечу выше и снова коснулся первого рисунка. – Три крепости должны были охранять Ванжан от врагов. Первыми в битву вступал клан Опавших Лепестков. Если у них не получалось сдержать неприятеля, – Баи передвинул палец ко второй крепости, – бой принимал клан Тысячелетних Воронов. Если не получалось и у них, то клан Ураганных Вееров должен был сделать все, чтобы не пустить зло к землям Короля Мертвых. Они были последним оплотом на пути туда. Они и остались.

Я никак не мог связать все услышанное воедино.

– Ты сказал, что главной целью было не пустить врагов к землям Короля Мертвых. Но... я никогда не встречал желающих попасть туда. Крепость в Ёру – место, куда ссылают приговоренных к смерти.

Баи улыбнулся.

– Вы сказали, что ищете Манускрипт Маледиктуса. Что вы о нем знаете?

Вопрос Баи удивил. Как Манускрипт связан с Ночными Цветами и пропавшей крепостью?

– Только сказки, которые рассказывала мать. И то, что сказал мастер Юн.

– Пролились реки крови, чтобы уничтожить любое упоминание о Манускрипте. – Он развернулся и пошел обратно. – В нем всего три страницы. Но записанного на них хватит, чтобы утопить в страданиях весь мир.

– Да, мать говорила мне...

Неожиданно бесконечная череда коридоров закончилась, и мы вышли в холодную осеннюю ночь.

На мне был лишь тонкий халат, и северный ветер тут же забрался под легкую ткань. От студеной порывов перехватило дыхание.

– Вы замерзли? – Баи захватил прядь моих волос и заправил за ухо. Его попытка то ли флирта, то ли заботы вновь оставила меня равнодушным, не тронув в сердце абсолютно ничего. На мгновение я даже обрадовался, что мужчины меня не привлекают. Но предательская мысль о Рэйдене, делающем то же самое, разожгла в теле пожар. Рядом с ним я не смог бы оставаться спокойным и хладнокровным. – Манускрипт неразрывно связан с тремя кланами.

– Ты... можешь рассказать мне о нем?

Баи спустился со ступенек, и мне не оставалось ничего иного, как последовать за ним. Все вокруг выглядело странно запущенным. Разросшиеся кусты роз казались немymi монстрами, тянущими свои руки-стебли к незванным гостям. Шипы были таких размеров, что могли достать до сердца.

Каменные статуи и разбросанные повсюду валуны были покрыты плющом и мхом, которого было так много, что он источал запах. Смутно знакомый, терпкий и прелый.

Мох-могильник. Что там Дайске говорил о нем? Любимое растение Мертвой Алхимии? Значит, здесь кто-то занимается запрещенным колдовством?

– Я расскажу... – Баи, о котором я уже успел забыть, обернулся ко мне. – Все, что знаю. Но взамен вы расскажете о Рэйдене. – Он шел по вымощенной рассыпающимся камнем дорожке, по обе стороны которой высились сплетенные из роз стены. Белые одежды мелькали погребальным саваном, и казалось, что я преследую призрака.

Зачем ему знать о Рэйдене? Я ведь ясно дал понять, что могу предложить только дружбу.

Баи исчез, и когда я его нагнал, оказалось, что он стоит на берегу черного озера, в центре которого застыла красная беседка. Висящие под крышей фонари распространяли вокруг себя мутный желто-зеленый свет, который никак не мог быть светом свечи. Слишком тускло. Да и зеленого пламени я никогда не видел.

– Почему ты так хочешь узнать о нем? – Я посмотрел на Баи, который безотрывно глядел на беседку. – Если я не раздобуду Манускрипт, Ванжану придет конец. Возможно, не сразу, но это случится.

– С чего ты взял, что совладаешь с силой Манускрипта? Почему вообще думаешь, что он поможет?

Раздавшийся за спиной голос заставил все внутри напрячься и вспомнить об опасности. Здесь нет друзей. И хорошо, если эти люди не станут моими врагами.

Мастер Юн... Он появился словно из ниоткуда, передвигаясь не просто тихо – совершенно бесшумно. Если даже я его не услышал... Интересно, каков он в бою? Он единственный из трех мастеров, кто никак не продемонстрировал свои навыки.

Мастер встал рядом со мной. Несмотря на холод, он неторопливо обмахивался веером и, как и Баи, почему-то смотрел на беседку.

– Этой ночью мы с братьями наблюдали за небом. – Он поднял лицо к небесам, на которых дымными серыми горами клубились облака. – Слишком много дурных предзнаменований. В звездах, луне и даже тучах. Грядет битва, в которой пощады не будет никому.

– Зачем вы говорите это мне?

С тихим резким щелчком мастер Юн сложил свой веер.

– Твоя звезда в центре всего, в каждом значимом событии. На Ванжан обрушится великое множество бедствий. Тебе суждено стать тем, кто изменит ход войны... – Он пристально посмотрел на меня, и я ответил ему таким же прямым взглядом. – Чью бы сторону ты ни выбрал, твое предназначение – переломить ход сражения. – Он снова раскрыл веер. От каждого взмаха по воздуху начали тянуться белые нити тумана. – Удивительно, но лишь от твоего решения

зависит, выживем мы все или умрем. А ты... – Концом веера он отодвинул полу моего халата, рассматривая покрытые мазью раны. – Даже излечить себя не можешь.

Я не собирался оправдываться или объяснять мастеру то, что он и сам прекрасно знал. Он просто пытался вывести меня из себя, проверял, на сколько меня хватит. Это было так же очевидно, как и то, что он уже все для себя решил. Решил, как со мной поступить.

Но неожиданно за меня вступился Баи.

– Никто из обычных смертных не владеет техникой самoisцеления...

Но мастер перебил его, резанув по воздуху сложенным веером:

– Его и нельзя назвать обычным смертным. Тот, в чьих руках судьба страны, не может быть кем-то обычным. – Он оценивающе посмотрел на меня. – Я бы мог рассказать тебе о Манускрипте. Но Баи и так готов выдать все наши секреты. Василиск рвется биться за тебя. Каким-то странным образом ты умудряешься получать преданность незнакомых тебе людей и даже существ. Ценное качество для правителя. Но этого недостаточно. Ты умен, рассудителен, холоден и сдержан. Умеешь ждать и не бросаешься в омут с головой. Твои боевые навыки лучше, чем у многих. Но для того, кто хочет управлять Манускриптом, этого недостаточно. Чтобы совладать с Мертвой Алхимией, нужна мощь. Эмоции, которые подтолкнут тебя спрыгнуть в бездну.

Разве не он только что говорил, что мои холодность и сдержанность – это достоинство?

На мое молчание он усмехнулся уголком рта.

– Зачем тебе нужен Манускрипт?

Я ответил не раздумывая:

– Чтобы получить трон.

– Этого недостаточно. – Он подошел ближе, и я ощутил странный запах, исходящий от него. Что-то такое, что заставляет чувствовать себя в опасности. – Тебе не нужен трон. По-настоящему ты его не хочешь. Лишь то, чего ты жаждешь, может дать тебе силу подчинить Манускрипт.

– И вы дадите мне Манускрипт? Несмотря на то, что сказали до этого? Что я могу выбрать не ту сторону.

Мастер Юн неуловимым движением раскрыл веер.

– Я и не говорил, что дам его. Я расскажу, как его найти. А все остальное ты сделаешь сам. Если сможешь, конечно. И что до того, какую сторону ты выберешь... Скоро братство Ночных Цветов канет в лету. Я стану тем, кто приведет к власти либо спасителя, либо монстра. В любом случае я войду в хроники.

Он широко улыбнулся. Похоже, бессмертие и жизнь вдали от обычных людей сделали его безумцем.

– Завтра на рассвете будь готов.

Мастер развернулся, чтобы уйти, но я успел остановить его.

– Готовым к чему?

Он снова улыбнулся своей полубезумной улыбкой.

– К тому, чтобы стать одним из нас.

Он исчез бесшумно, развеялся в воздухе подобно туману. Какие-то мгновения казалось, что я еще вижу подол его ханьфу, но когда присмотрелся, понял, что это всего лишь сгустки тени.

Гнетущий рассвет пах обреченностью. Мрачное небо низко нависало над тренировочной площадкой, куда меня привел Баи. От студеного ветра дрожали обвитые дикими розами ветви деревьев, которые окружали это странное место, больше подходящее для какого-нибудь ритуала, нежели для тренировки. Запах смерти и увядания, присущий только осени, блуждал рядом невидимой тенью. В порывах ветра чудились чьи-то голоса. Я был уверен, что слышу тихий сбивчивый шепот, но его хозяева оставались невидимыми.

Баи нежно коснулся моей щеки. Его теплое дыхание скользнуло по лицу, а подушечки пальцев, подрагивая, прошлись по коже. Он смотрел на меня с любопытством и нежностью. Убрав со лба прядь волос, он тихо проговорил:

– Во сне вы опять звали господина Рэйдена... Так мучительно страстно шептали его имя!..

Я отстранился от Баи, испытывая раздражение наполовину с разочарованием. Он вел себя так, как я хотел бы, чтобы вел себя мой неприступный лекарь.

По воздуху поплыли бледные нити тумана. Они напоми-

нали дрожащую на ветру паутину. Трепетали и путались среди шипов роз, оседали на темно-зеленых листьях. Казалось, что это колышутся обрывки серебристо-белой ткани. Невольно всплыло смутное воспоминание. Я уже где-то видел подобное. Но где?

Туман усилился. Он надвигался сплошной мутной стеной, окружая тренировочную площадку.

Неся с собой словно тяжелую мантию белесые сгустки, из молочного марева вышел мастер Юн. В сопровождении трех воинов он не спеша подошел к нам с Баи.

– Надеюсь, ты понимаешь, что твое происхождение здесь не стоит ничего? Жалеть тебя никто не будет.

Он указал кончиком веера трем юношам, и те поставили передо мной две широкие чаши.

– Я ведь не член братства. Но вы все равно хотите раскрыть мне секреты вашего мастерства. Зачем?

Мастер Юн пожал плечами.

– Придет время, и все станет на свои места. Сейчас же ты просто должен познать искусство Ночных Цветов. Смертоносное искусство. Ночные Цветы никогда не изображали из себя святых. Мы – убийцы. Но каждый, кто приходит сюда научиться убивать, делает это ради кого-то. Ради того, кому хочет отомстить. Или ради того, кого хочет защитить. У каждого из нас есть или был такой особенный человек. Ради кого ты готов стать безжалостным убийцей? Ради кого ты способен утопить в крови собственное королевство?

Я в упор посмотрел на мастера Юна.

– Я уже убивал.

– О-о, наивный принц, ты поймешь разницу, когда ради важного человека тебе придется сразиться один на один с армией.

Мать всегда говорила, что ни у принцев, ни у королей не должно быть никаких душевных привязанностей. Это уязвимость. Как только мы подпустим кого-то к своему нутру, позволим чувствам взять верх – это будет крах всему.

Но... предательские мысли о светловолосом божестве со скверным характером вторглись в мой разум без разрешения. Разве ради него я не готов изменить самому себе? Он пробудил во мне то, о существовании чего я и не подозревал. Если между мной и им станет армия, смогу ли я пойти за ним? Этот мерзавец перевернул все внутри меня.

– Вы думаете о нем...

Наполненный горечью голос Баи вернул меня в реальность, больно кольнув в сердце.

Мастер Юн радостно улыбнулся.

– Так, значит, есть такой человек? – Словно задумавшись о чем-то, он постучал кончиком веера по подбородку. – О нем... Это мужчина?.. А принц любит пикантные развлечения... Что ж, тогда начнем.

Он кивнул Баи, и разочарованный целитель направился к тонущей в тумане стене деревьев.

Мастер Юн задумчиво смотрел ему вслед.

– Ты что-то пробудил в нем. Он стал совершенно другим. Даже не знаю, радоваться этому или опасаться.

Я тоже посмотрел на Баи. Он уже выходил из леса, и его белые одежды казались частью тумана. За его руками тянулись нити серебристой паутины. Я прищурился. Нет, это не паутина – это плотные длинные нити, которые мерцали в сумраке. Они обвивали его пальцы и запястья, теряясь в густых зарослях. Чем ближе подходил Баи, тем сильнее нитки натягивались, пока из леса не появились... Я даже не сразу понял, кто это. Три болвана – похожие на тех, которых сделали Рэйден и Дайске. И все же немного иные. Одна из марионеток, очевидно, была склеена из бумажных талисманов. Она вся была покрыта перекрещивающимися столбиками иероглифов и всевозможными символами. Выглядело это жутковато. Другой болван был полностью деревянным. Его конечности, скрепленные шарнирами, хаотично болтались в разные стороны. Третий был сотворен из грубой мешковины. Даже отсюда было видно, что конечности пришиты к туловищу кое-как, грубыми черными нитками, и из мест стыка торчат стебли соломы.

На всех троих висели старые изношенные халаты, покрытые множеством заплат. Из обтрепанных рукавов и подола торчали нитки. На каждом из болванов были нарисованы красные мишени – на груди, животах и безликих головах.

Баи остановился у края площадки, расправляя белые сверкающие нити. От каждого его движения руки, ноги и го-

ловы болванов нервно подрагивали.

– Вижу, ты не напуган и не удивлен.

Мастер Юн с любопытством заглянул мне в глаза.

Я старался скрыть любые эмоции, но кажется, даже это вызывало подозрение. И я решил не скрывать, но и не говорить всей правды.

– Да... Кажется, я уже видел нечто подобное.

Мастер Юн кивнул.

– Это твои мишени.

– Зачем нужны нитки?

Мастер коварно улыбнулся, поднес к губам ладонь и подул на нее. С длинных унизанных кольцами пальцев сорвалось ядовито-зеленое пламя. Перелетев площадку, прозрачный огонь набросился на марионеток, полностью обьяв их.

Марионетки слабо зашевелились. словно нехотя, дернулись руки и головы, дрожащие ноги сделали неловкий шаг в нашу сторону.

Похоже, каждый здесь был знаком с неведомой мне алхимией.

Баи, дергая за нити, направлял угловатые движения, не позволяя ожившим марионеткам разбрестись в стороны.

– Приступим. – Мастер указал на чаши. – Для тренировки можешь использовать это.

Я опустил на корточки. В первой чаше лежали бумажные ритуальные деньги. Круглые диски были покрыты тонким золотым слоем и напоминали луну. Вторая чаша довер-

ху была наполнена сухой соломой.

– Деньги мертвецов?

– Да. А ты что думал? Мы тут сутками волшебные лепестки от безделья стругаем? Иногда лепестки и перья – это всего лишь лепестки и перья. Твое оружие – твоё желание. И более ничего.

Деньги мертвецов – вместо лепестков. Солома – вместо перьев. Это то, что я должен использовать.

Мастер Юн взял бумажный диск и одним практически незаметным движением метнул в марионетку. Бумага вонзилась в деревянное тулово, ровно в том месте, где должно было находиться сердце.

– Видишь? Нет разницы, чем ты сражаешься. Главное, чтобы твоё оружие настигло врага. Баи! – Он кивнул целителю, и тот, словно артист, начал дергать за нити. Все марионетки пришли в движение. Сначала они неловко мотались в разные стороны, напоминая обезумевших призраков, но с помощью Баи их движения стали более плавными и упорядоченными.

Мастер Юн невозмутимо вытащил несколько сухих стеблей и выбросил руку вперед. Марионетки снова дернулись от силы удара, а затем безжизненно замерли, позволяя разглядеть... воткнувшиеся в нарисованные глаза соломинки. Во все шесть глаз. Для этого ему понадобилось всего одно движение.

Да, я был умел в бою. Но нужно признать: по сравнению

с ним я – неуклюжий деревенский дурачок. Таких навыков мне не достичь никогда, сколько бы я ни тренировался.

– Пока они будут неподвижны. Но как только ты научишься поражать цели, мы позволим им двигаться.

Зеленое пламя слабо трепыхалось на плечах марионеток. Они снова неловко задергались, становясь похожими на черных монахов. Баи же оставался неподвижен. Значит, их заставляла шевелиться именно алхимия мастера Юна.

Я взял несколько бумажных монет, заранее смирившись с поражением. Каждая из моих попыток закончилась тем, что деньги медленно спланировали вниз и упали на утоптанную площадку. Как бы я ни старался, они пролетали лишь несколько шагов. Землю у моих ног усеивали желто-золотые монеты, которые насмешливо мерцали в сумраке.

– Похоже, в клан Летящих Лезвий тебя не примут. Может, с этим больше повезет?

Мастер Юн небрежно подтолкнул ко мне чашу с соломой.

Я видел, что он смог сделать с обычной бумагой и сухими травинками. Но понимал, что для меня это недоступно. Ни сейчас, ни в будущем.

– Не тратьте время. Если он не смог с деньгами, то с соломой тем более не справится.

На площадку вышел так похожий на подглядывающего извращенца мастер Ченг. Следом за ним с недовольным лицом плелся мастер Мингли.

– Ты объяснил ему, в чем источник нашего мастерства?

Мастер Мингли в своем шикарном ханьфу, расшитом сияющими нитями и драгоценными камнями, напоминал капризного ребенка-аристократа, которого разбудили спозаранку и засадили за ненавистную учебу.

– Ничего не получится, пока ты даже не позволяешь себе думать о важном для тебя человеке.

Мастер Ченг смотрел на меня так, будто я был его врагом.

– А что, если у меня нет такого человека?

Я действительно не позволял себе думать сейчас о Рэйдене. Почему-то казалось, что эти люди могли подслушать мои мысли.

Мастер Мингли громко рассмеялся, повернувшись к мастеру Ченгу.

– Он совсем тобой не впечатлен и тебя не боится.

На лице мастера появилось еще более ненавидящее выражение.

– Все, кто сюда приходит, имеют такого человека. Но, возможно, тот, о ком ты думаешь, совсем не разделяет твоих чувств? Василиск был прав: твое сердце холодно. Ты как камень.

Я помнил эти слова. Выходит, уже тогда Ночные Цветы следили за нами.

– Да. Змей действительно так сказал. – Мастер Юн смотрел на меня невидящим взглядом. – Нам просто нужно нагреть этот камень, и тогда он сможет оставить ожоги на тех, кто осмелится прикоснуться.

Глава 4

Буря Короля Мертвых

– Как много времени это займет?

Мастер Юн неторопливо обмахивался веером и лениво катал по столу перевернутый на бок пузырек.

– Придется подождать. У меня нет запасов этого порошка. Я не думал, что в ближайшую сотню лет он может нам понадобиться.

Откуда ни возьмись на столе перед Баи появились длинные стебли с тонкими резными листьями, похожими на листья папоротника. Я уже видел это растение. Даже одного раза хватило для того, чтобы я навсегда запомнил его губительное действие.

– Мандрагора?

Помимо воли мой голос сел и теперь постыдно хрипел.

Мастер Юн и Баи одновременно удивленно вскинули брови.

– Знаешь о ней?

– Вы уже видели ее?

Неожиданно мастер рассмеялся.

– А принц действительно не так прост. Давай прогуляемся по крепости, пока Баи готовит Порошок Желаний.

Я послушно последовал за мастером Юном, стараясь

гнать от себя тревогу. Листья мандрагоры и слова «Порошок Желаний» породили нехорошее предчувствие. И страх. В тот раз в Мертвом Лесу мандрагора вытащила из меня сокровенные чаяния, о которых я даже боялся думать.

– Где василиск?

– Развлекается с едой, не успевшей от него скрыться. Хватит о нем волноваться. Нам есть о чем поговорить.

Мимо, в сопровождении целой свиты, облаченной в черно-золотые ханьфу, прошествовал мастер Ченг. Он окинул меня очередным презрительным взглядом и скрылся за расписанными раздвижными дверьми.

Мастер Юн понимающе усмехнулся и раскрыл веер.

– Он считает, что я зря с тобой вожусь. Уверен, что ты – не тот, кто сможет править.

– Как будто есть выбор и от его мнения что-то зависит.

Мастер Юн рассмеялся, качая головой.

– На самом деле он просто не любит чужаков. Тех, кто живет вне крепости. – Он пошел дальше, ведя меня запутанным лабиринтом коридоров. – Давным-давно его брат покинул крепость и так и не вернулся. А теперь оказывается, что в Ёру обитает призрак с такими же отметинами.

Я молча смотрел на мастера. Не может быть, чтобы обожающий подглядывать извращенец оказался...

– Младший брат Ченга был очень жизнерадостным. Он любил искусство, живопись, литературу. Любил жизнь. Именно он был главой клана Тысячелетних Воронов. Когда

он сражался, это было подобно мазку кисти по бумаге. Безупречно и прекрасно. Но он никогда не хотел коротать свое бессмертие здесь. Не желал медленно чахнуть взаперти от мира, в котором столько всего происходит. Но любой, кто уходит отсюда, уже не может вернуться. А теперь ты принес весть о его смерти. Для Ченга ты – олицетворение всего, что он ненавидит. К тому же ты... можешь украсть у нас еще и Баи.

Мы оказались у озера, к которому вчера приводил меня целитель. При сером свете дня оно выглядело еще более мрачным и запущенным.

– Я не собираюсь никого у вас красть.

Мастер Юн уже привычно рассмеялся.

– Может, у тебя и нет такого намерения, но Баи уже давно грезит внешним миром. – Мастер остановился у обвитого паутиной куста роз. Я не сразу разглядел притаившийся в нем валун, покрытый бархатистым влажным мхом. – Должно быть, ты уже понял, что его предпочтения несколько... специфичны. Он тобой очарован. Ты неправдоподобно красив, умен, смел, весьма искусен в бою, загадочен и молчалив. Всегда серьезен и суров. И тебе тоже нравятся мужчины. Баи говорит только о тебе, не переставая.

Помимо воли я признался в собственной слабости:

– Мужчина.

Мастер Юн замер, удивленно вскинув брови.

– Что?

– Только один мужчина. И он не нравится мне – он мне необходим. Я... не могу без него.

Признать это было так же сложно, как освоить мастерство Ночных Цветов. Горло жгло от сказанных слов, а сердце билось с такой скоростью, будто я признался в своих чувствах Рэйдену.

– Если есть кто-то, кто заставляет тебя испытывать подобное, тогда почему ты подавляешь эти эмоции? Они – ключ к нашему искусству. – На несколько мгновений он задумался, а затем пристально посмотрел на меня. – Баи будет раздавлен. Однажды его уже покинул возлюбленный.

– Я не давал ему надежды и никогда не говорил, что предпочитаю мужчин.

– Побег от собственных чувств ничем хорошим не закончится. Тот, кого любил Баи, тоже не мог принять себя. Никак не желал примириться с притяжением к другому мужчине. Он даже сбежал отсюда, не желая признавать свою страсть. Мир не знал алхимика талантливее его. А он предпочел сгинуть в твоём прогнившем королевстве.

– Похоже, не только мастер Ченг меня ненавидит.

Мастер Юн мрачно взглянул на меня.

– У тебя его дневники.

– Что?

– Среди твоих вещей мы нашли его дневники.

Дневники... Записи, которыми так дорожили Рэйден и Дайске. Не может быть.

– Наверное, мне не стоит возмущаться тем, что вы рылись в моих вещах?

Я позволил себе усмешку.

Лицо мастера Юна окаменело.

– Почему они у тебя?

На его веках начали проступать черные линии, словно кто-то невидимый водил по лицу кисточкой. Благодаря матери и постоянному ожиданию смерти во дворце, я научился сохранять спокойствие.

– С чего вы взяли, что они принадлежат вашему другу?

Я не ожидал, что мастер Юн ответит.

– Я узнаю его каллиграфию среди тысяч. К тому же в одном из дневников есть отрывок из стихотворения его брата... Никто и никогда не видел эти строки.

Я посмотрел на сложенный веер в руках мастера.

– Кроме вас...

Подбородком я указал на веер.

Мастер снова удивленно вскинул брови. Рисунки на его лице стали четче. Теперь я понимал, что это – проявление сущности Ночных Цветов, свидетельство их эмоций.

– Как ты понял, что строки связаны?

– Я знаю этот стих полностью.

Лицо мастера Юна стало смертельно бледным. Настолько, что он стал походить на ожившее умертвие. Чернила на его лице сложились в два веера, парящие на веках, висках и скулах. Но роспись была необычной. Словно у артиста, его лицо

было усыпано блестками. От каждого поворота или наклона головы они начинали мерцать, и казалось, что листья, стебли и даже миниатюрные облака двигаются по его лицу.

Хрипло и невнятно он приказал:

– Расскажи.

Не знаю, почему послушался его. Возможно, потому, что видел: ему важно слышать эти строки. Для него они имеют какое-то значение.

Не придавая особого значения смыслу, я спокойно произнес:

– Молодой господин, ты изящен
И дрожишь, как прекрасный цветок
На первом осеннем ветру.

Мастер Юн судорожно вздохнул и прикрыл глаза. И тут я по-новому увидел картину, словно маску скрывающую верхнюю половину его лица. Это был не просто рисунок...

Веера, которые первыми бросались в глаза, были не главным. Главным был молодой ученый, окруженный увядающими розами. От ветра лепестки на их бутонах срывались и падали на воду черного озера. Я разглядел даже тонкую дугу моста, над которым висела бледная крошечная луна. Стебли травгнулись к земле. Каждый штрих был пронизан грустью и отчаянием. Вечным одиночеством.

Я начинал понимать истинный смысл этих строк.

– Она не пришла?..

Мастер Юн горько усмехнулся.

– Да. Я прождал всю ночь. И утро тоже. Но она так и не появилась. Прожив несколько сотен лет, я оставался наивным юнцом, способным только размахивать мечом и наблюдать за небом. Я думал, нашим звездам суждено вечно сиять вместе. Но я ошибался.

Что-то в его взгляде заставляло вслушиваться в каждое слово. Это не просто печальная история.

– Мы познакомились в Доме Услады. Ее танец был подобен полету черного феникса. Большую часть жизни я провел здесь. Может, именно поэтому она меня так поразила... – Взгляд мастера Юна устремился вдаль. – Я был бессмертен, но совершенно наивен. Она же...

Его глаза подернулись туманной дымкой, возрождая былые воспоминания.

– Я проводил в Доме Услады сутки напролет. Готов был вечно слушать, как она играет на цине. Устав, она засыпала у меня на коленях. И это были счастливейшие часы моей жизни. Откуда же я мог знать, что король, переодевшись простолюдином, тоже навещает этот Дом Услады? – На лице мастера Юна появилась злая усмешка. – Как думаешь, кого она выбрала? Безвестного ученого или короля?

В душе шевельнулась смутная догадка, но я отогнал нелепую мысль, полностью сосредоточившись на рассказе Ночного Цветка.

– Когда она танцевала лишь передо мной, был ли кто-ни-

будь счастливее меня? Но она выбрала другого. В ту ночь она обещала прийти. Я прождал ее в саду. До утра. И когда, уже отчаявшись, собрался уходить, увидел ее. В объятиях другого мужчины. Прямо на полу, в беседке. Они спали на собственной смятой одежде, и он укрывал ее от холода своим телом. Тогда я впервые узнал, что такое ненависть. Я не понимал, почему она выбрала не меня. Ведь я во всем был лучше. Намного красивее, образованнее, а мои богатства – больше казны любого короля. Я мог дать ей все. А он? Что он мог предложить ей? Стать его любовницей на несколько ночей, пока ему не наскучит? Она предпочла быть его наложницей, а не моей женой.

Ветер, трепавший волосы, пах прелыми листьями и приближающейся грозой. Я чувствовал, как вокруг меня сжимается тяжелая влажная туча. Бархатистым воздухом она касается щек, оседает на коже влажной моросью и проходит по нервам трескучей молнией.

Может ли ложь быть столь идеальной? Что я знал о матери? Чуть больше остальных. Ее не стало на моей пятнадцатой зиме.

Всю мою сознательную жизнь она внушала мне мысль, что трон мой по праву. Он принадлежит мне, но собственный отец отобрал его у меня. Среди других наложниц она занимала особое положение. У нее был собственный дворец, как и у законной супруги. Но за всю жизнь я ни разу не видел, чтобы король навещал ее.

Нас словно не существовало. Мы жили подобно призракам. Оказавшись в нашем дворце, мы оставались в нем навсегда. Это была темница из золота, серебра и самого дорогого шелка. Именно потому, что король не проявлял к нам никакого интереса, матери удалось обучить меня. Но я знал, хоть она и воспитывала во мне ненависть к нему, сама же не могла простить ему равнодушия. Она ненавидела его. И любила. Против своей же воли.

Я всегда знал об этом, и все же каждое слово мастера Юна было как направленное на меня острие ножа. Мне хотелось закричать ему в лицо, чтобы не смел даже думать о моей матери, но я снова заставил себя сдержаться. Я упрямо делал вид, что он говорит о ком-то другом, но только не о ней.

Отрицать все стало невозможно, когда он тихо процедил:
– Она всегда желала отомстить. Семья короля враждовала с ее семьей. В результате большая часть ее клана была убита, а ее саму продали в Дом Утех. Тебе известно об этом?

Да, я знал, что мой дед был одним из заговорщиков, пытавшихся свергнуть с престола моего отца, когда тот только взошел на трон. Противостояние двух кланов оказалось настолько жестоким, что половина нашей семьи похоронена без голов, а кровь в некоторых местах не смогли отмыть – так много ее было.

Я слышал, как на одном из редких пиров, куда мы были допущены с матерью, король сказал, что не позволит менять полы и окровавленные ширмы, ибо они – напоминание мне

и матери о грехе нашего клана.

Так что да, мне было известно об этом. Но я не желал слышать подробности кровавой истории моей семьи от мастера Юна.

– Я предлагал ей помощь. Готов был сделать все, что она пожелает. Все, что прикажет. А знаешь, как она узнала о Манускрипте? Я ей рассказал. Но она все равно выбрала его. Его! Короля, погубившего ее семью! Как она могла влюбиться в него? Она даже рассказала ему, как получить Манускрипт. Она всерьез заявила мне, что вражда их семей давно окончена и он сделает ее королевой. Она будет править страной, и ей больше никогда не придется прозябать в нищете. Зачем ей нужен какой-то безвестный ученый, когда есть король? – Мастер Юн улыбнулся опасной улыбкой. – Ты мог бы быть моим сыном. Тебя не удивило, откуда я столько знаю о тебе? Все эти годы я малодушно посылал призраков следить за тобой. Я так надеялся, что ты вырастешь жестоким и уродливым. Представлял избалованного глупого самодура, который может только приказывать и наслаждаться кровавыми развлечениями. Я молился, чтобы ты был именно таким. Но день ото дня ты заставлял меня ненавидеть самого себя. Тебе не просто дарована недоступная человеку красота. Ты умен и талантлив. Владеешь боевым искусством и лишен тщеславия. Твой отец отобрал у меня не только любимую женщину, но и желанного сына. Но меня всегда утешала мысль, что я все же смог на тебя повлиять. – Он снова улыбнулся, и

рисунок полностью скрыл верхнюю часть его лица, превратившись в маску, которая искажала каждую эмоцию. – Твой учитель литературы и каллиграфии, знаменитый поэт королевства, мастер Чжицзян...

Я не смог удержаться. Рассмеялся, понимая, что, сам того не ведая, всю свою жизнь был в ловушке еще и этого человека. Хоть кто-нибудь относился ко мне без ожиданий и корысти? Хоть кому-то я был интересен сам по себе?

Боги, за что вы так со мной?.. Конечно, такой человек был. Созданный, должно быть, самым коварным божеством. Рэйден... Вечно всем недовольный лекарь. На него не действовала ни моя красота, которую все вдруг начали восхвалять, ни мои знания, которых в его глазах, должно быть, не хватало. Для него я был лишь столичным избалованным невежеством, привыкшим раздавать приказы направо и налево. Таким, каким меня желал видеть мастер Юн. Рэйден же не ждал от меня ничего. И это делало меня счастливым. Заставляло стараться стать больше. Ради него.

– Он был выдающимся ученым и моим верным другом. Настолько верным, что по моей просьбе оставался подле тебя до самой своей смерти. Он научил тебя языку Мертвой Алхимии и стихосложению. Поведал тебе тайны владения кистью для каллиграфии и познакомил с картинами и стихами. Научил разбираться в войне и искусстве. Он учил тебя любить все то, что любил я. Мои любимые стихи. Мои любимые сюжеты в живописи. Мою манеру каллиграфии, которая

становится и манерой боя. Так я мог понемногу красть тебя у твоего настоящего отца и делать своим сыном. Так я мог быть связанным с твоей матерью. Через тебя. Я имею больше прав называть тебя своим сыном, чем он. И, конечно же, я помогу моему дитя найти Манускрипт и взойти на престол...

Тысячу мыслей в моей голове заволочло туманом. Я старался, но не мог ни о чем думать. Что я должен чувствовать, услышав это признание? Что нужно делать? Как себя правильно вести? Броситься на мастера Юна, обвиняя в том, что лишил меня самого себя? Или поблагодарить за то, что дал мне шанс выжить во дворце?

Правда состояла в том, что я не испытывал ни одного из этих чувств. Ни ярости, ни благодарности. Мать приучила меня: никому не доверять, ждать от всех подвоха и быть готовым к тому, что однажды кто-то захочет вонзить мне в спину нож. А значит, я не должен доверять никому настолько, чтобы оставить его позади.

История матери и мастера Юна меня никак не касалась. Кроме того, что оба использовали меня. Мать – чтобы отомстить отцу за нелюбовь и получить давно желаемый ее кланом престол. Мастер – чтобы напоминать ей о себе, через меня.

И что я теперь должен делать? У меня своя жизнь, в которой и без того все непонятно и запутано. Я не могу бросить свою страну, но и быть заложником трона не хочу. Уже сейчас я предчувствовал, что до самой смерти буду сражаться с

обстоятельствами и напрасно пытаться избежать участи всех королей. Но я не могу смириться с уготованной мне судьбой. Получить Рэйдена и престол – вот моя цель. И неважно, какую цену придется заплатить за ее достижение.

Мастер Юн вдруг рассмеялся.

– Василиск был неправ. Ты не камень. Ты – демонов кусок льда!

И в чем он меня обвиняет?

– Ваши призраки ведь следили за мной. Вам должно быть известно, какой я.

– Ты не был настолько бесчувственным.

– А что я, по-вашему, должен сделать? Наброситься на вас и попытаться убить за нанесенное оскорбление? Ну так я даже приблизиться к вам не смогу – моих навыков для этого недостаточно. Разрыдаться от благодарности, что вы заменили мне отца? Но мне совсем не хочется плакать. Так как мне должно поступить, мастер Юн?

Его лицо сделалось задумчивым. И хоть по губам блуждала кривая усмешка, я видел, что он серьезен как никогда.

– Теперь понятно, почему ты никак не можешь постигнуть наше боевое искусство. Тобой руководит лишь разум. Но иногда этого недостаточно. Ни один военачальник не возьмет крепость, если не будет обладать воображением. Ни один подвиг не будет совершен, если у героя не будет ради кого его совершать. Здесь ты можешь позабыть о своем разуме. И позволить себе думать о том, кто завладел твоим сердцем.

Никто не станет тебя осуждать за любовь к мужчине. Здесь ты сможешь позволить своему сердцу быть с ним.

– У меня не получилось совладать с деньгами мертвецов и соломой.

Мастер раскрыл веер.

– Но есть еще веер. Отчасти ты ведь мой сын. Мне следовало догадаться, что тебе подойдет то, что подходит твоему отцу.

Позволить себе думать о Рэйдене?.. Позволить себе мечтать о нем и разрешить этим мечтам завладеть сознанием? Запустить их в свой мозг и придумать сотни подробностей нашей возможной жизни? Насколько больно мне будет выныривать из них? Насколько сложно будет вернуться в реальность?

– Сможешь попасть туда?

Мастер указал на беседку посреди озера.

Ни моста, ни пирса, ни деревянных свай – ничего, что помогло бы дойти до беседки, не было. Видимо, нужно было использовать свои навыки. Я прикинул расстояние.

– Думаю, смогу.

– Ну, тогда вперед.

Легко оттолкнувшись от земли и крутнувшись в воздухе, мастер взмыл ввысь и по плавной дуге долетел до беседки.

Мне потребовалось приложить больше усилий и воспользоваться опорой. Где-то на середине пути я опустился, заставляя тело напрячься. Подошва сапог погрузилась в воду,

которая тут же спружинила, позволяя мне продолжить полет до беседки. Я спрыгнул на самый край твердого основания.

– Неплохо... Для того, кто не обладает нашим мастерством и не оттачивает его годами.

Он прошел вглубь беседки, и я последовал за ним, осматривая это странное место. Сейчас фонари были потушены, и все вокруг тонуло в надвигающемся сумраке. Тени вольготно ползали по всему, до чего могли дотянуться.

Я не сразу разглядел в них человеческие черты. Это были поблекшие призраки. Их волосы напоминали стелящийся над землей туман, а ключья одежды паутиной цеплялись за шипастые стебли роз. Мертвые здесь были повсюду. Такое впечатление, что смерть опутала всю крепость.

Беседка была покрыта темно-зеленым мхом с крошечными ярко-голубыми цветочками, от которых исходил запах одновременно и сырости и сладости. Тот самый мох-могильник. Но я впервые видел, чтобы он цвел.

Мастер Юн ласково коснулся пальцем одного из цветков.

– Нас называли Ночными Цветами именно из-за них.

Я смотрел на цветы-звезды и вспоминал невероятные глаза Рэйдена. Он бы был в восторге, увидев их. Наверняка бы нашел тысячу способов их использовать. Я был согласен, чтобы он опробовал все свои жуткие зелья на мне. Если Ночные Цветы не позволят взять хоть немного, то я украду. Но Рэйден обязательно получит этот мох.

– Значит, цветы все же существуют?

Видение, возникшее в голове, заволокло собой весь разум. Сонный после нашей ночи Рэйден накидывает на свое белоснежное тело халат и идет проверять цветы. Неслышно я приближаюсь к нему со спины и обнимаю за тонкую хрупкую талию, пристраивая подбородок на узком плече. Его аромат тут же заполняет ноздри, проникает в легкие и расплзается пьянящим дурманом по всему телу. Почему даже сейчас я не мог не думать о нем?

Мастер Юн взмахнул веером, и в воздухе снова почудился запах грозы.

– Ни одной армии не дано совладать со скверной, расплзающейся по Ванжану. С ней не справиться ни силой, ни хитростью.

– Звучит так, будто Ванжан обречен.

Я криво усмехнулся.

– Нет. Ты можешь спасти свою страну. Или погубить ее.

– Разве не вы – те, кто стоит на защите королевства?

Мастер Юн оскалился.

– Нет, наше время давно прошло. Теперь наступает новая эра. Твоя эра. И эра отвергнутых божеств. – В отдалении, словно подожженный порох, взорвался гром. Он рассыпался на раскаты, которые доносились до нас угрожающим рокотом. – Лишь одному богу дана сила уничтожить черных монахов. И этот бог – единственный, кто еще не покинул наш мир. Но за его помощь тебе придется заплатить высокую цену.

Я знал, что мастер Юн говорит правду. Я ему верил.

– Какую цену?

Взглядом он указал на пол беседки.

– Здесь таится то, что тебе нужно. Сможешь раздобыть этот дар – и получишь власть над божеством.

Я взглянул на гладкий белый пол. Разделяя на части, его разрезали три черные окружности. На внешнем круге изображались фазы луны. Полумесяцы и лунные диски были скрыты облаками. Если в этих рисунках и был какой-то смысл, то понять его я не мог. Никогда прежде не видел, чтобы лунные фазы изображали спрятавшимися за спиралями облачных линий.

Еще здесь было множество точек разного размера. Такие же точки рассыпались по среднему кругу. Самый меньший, центральный, был полностью покрыт изображением солнца. У солнца было лицо и десятки расходящихся во все стороны лучей разного размера. От каждого луча к точкам тянулись линии. Они пересекались, образуя еще больше кругов и овалов.

В Ванжане никто так не изображал солнце. Никто и никогда. А вот художники из Далеких Королевств испытывали странную тягу к тому, чтобы придать небесным светилам человеческие черты. Я видел много свитков и книг с подобными изображениями. Выходит, в крепости Ночных Цветов бывали чужестранцы? И не просто бывали – они владели древними секретами, а значит, и немалой властью.

Я снова посмотрел на пол. Точки, видимо, означали звезды. Но эти линии... Почему их так много? Если это небесная карта, то явно не та, которую используют для наблюдения за небесными телами. Да и ни одного из знакомых созвездий я тут не увидел. К тому же вдоль некоторых линий тянулись символы Мертвой Алхимии. Рассматривая их, я понял, что многие никогда прежде не встречал.

– Это головоломка. – Мастер Юн неторопливо обходил беседку по внешнему кругу, подолом ханьфу собирая сухую опавшую листву. – Разгадай ее, и я позволю забрать то, что скрыто внутри.

– Не знаю перевод. – Я осторожно передвигался по свободным от изображений участкам, почему-то боясь наступить на иероглифы, линии и точки-звезды. – Мастер Чжицзян никогда даже не показывал их.

– Он оставил тебе все необходимое. И я тоже.

Все необходимое?.. Я не успел додумать эту мысль – стылый ветер, пахнущий сырой могильной землей и пылью, набросился на беседку, швыряя в разные стороны свисающие с крыши фонари.

– Нам пора уходить.

Мастер Юн с тревогой посмотрел на небо, которое мгновенной потемнело.

Я проследил за его взглядом. Среди туч летали призраки. Их длинные развевающиеся на ветру волосы казались продолжением серых облаков. Но кроме них был кто-то еще.

Смоляные волосы, черно-красный халат и мутный блеск драгоценностей на одежде могли принадлежать кому угодно, но не поблекшим привидениям.

Мастер Юн вдруг усмехнулся.

– Не может быть!..

Существо, которое металось в небесах, оказалось достаточно близко, чтобы можно было разглядеть голубую, как у утопленника, кожу и унизанные перстнями пальцы с длинными когтями. Сморщенный, похожий на свиню, нос уродовал и без того озлобленное лицо с алыми глазами. Широкие рукава ханьфу были частью туч, которые опустились над землей так низко, что на кожу осела влага. Существо было точь-в-точь Создание Ночи, о котором мне рассказывал Ясуо. И я готов был поклясться, что это оно и есть. Вот только... зачем оно здесь?

Мастер Юн почему-то с восхищением посмотрел на меня.

– Поверить не могу!.. Этот ветер из земель Короля Мертвых.

То, что он мог определить, откуда прилетели ураганные порывы, казалось мне еще более фантастичным, чем летающее над крепостью умертвие.

– Откуда вы знаете?

– Я – повелитель дыхания мертвецов и могу отличить обычный ветер от заколдованного. Похоже, Король Мертвых специально нагнал туч – чтобы скрыть солнце и позволить Созданию Ночи тебя найти.

– Король Мертвых ищет меня?

Я выглянул из-под крыши беседки. Создание Ночи опустилось так низко, что я смог разглядеть его лицо. Смутно знакомое лицо... Призрак! Призрак, которого мы с Рэйде-ном видели в лесу. Лекарь тогда еще сказал, что это призрак во плоти.

– Я принес рис!

Голос Баи выдернул меня из воспоминаний.

Целитель стоял на берегу, держа в руках небольшой мешок.

Мастер Юн рассмеялся и прокричал.

– Как ты его заметил?

– Его заметили уже все в крепости. – Баи бросил мешок на землю и спешно развязал. – Нужна ваша сила Ураганных Вееров, мастер Юн. Он должен увидеть рис. Тогда мы его схватим.

Создание Ночи, словно летящее на тучах, приблизилось к беседке, зависнув напротив меня. Из его рта вырвалось облачко бледно-голубого пара.

Едва слышно, по-звериному хрипло он прошептал:

– Лекарь ждет... он готов признаться...

Краем глаза я заметил, как Баи швырнул в него горсть риса, а мастер Юн раскрыл веер.

Я схватил его за руку, останавливая смертоносное движение.

– Не надо!

Может ли быть такое, что его послал Рэйден? Но зачем тогда мертвые пытались убить Ясуо? Почему сейчас выглядит иначе, чем в лесу? И было ли это то самое Создание Ночи, которое видел проводник?

Мастер Юн беззлобно, но с любопытством посмотрел на меня.

– Я чего-то не знаю?

Я следил за тем, как Создание Ночи стремительно удаляется, слившись с тучами. Только его длинные волосы и ткань ханфу были отчетливо видны. Словно, кроме одежды, ничего больше не было. Он напомнил мне деревянные шесты, на которые крестьяне напяливают одежду, чтобы отпугивать призраков.

– Если не знаете вы, то я – тем более.

Создание Ночи слилось с тучами и исчезло совсем. Но грозовые облака продолжали опускаться на крепость, медленно пожирая ее.

– Вернемся. – Мастер Юн снова посмотрел на небо. – Гроза, насланная Королем Мертвых, раздолье для призраков и умертвий. Живым нужно поспешить и найти убежище. В такие ураганы, как этот, время пить вино, слушать истории о древних богах и смотреть представления сароен...

То, как он это сказал... Вино, истории и сароен... Мастер Юн смотрел на меня, словно ожидая, что я пойму смысл его слов, но...

– Сароен? Я думал, это мужская обитель, куда нет доступа

женщинам.

– О, ты не видел наших красавиц!

Он усмехнулся, убеждая меня в мысли, что дело вовсе не в них. Значит, вино или истории?

Что поможет разгадать эту демонову головоломку и получить власть над последним оставшимся в Ванжане богом?

«Он оставил тебе все необходимое. И я тоже».

Единственное, что мне оставил мастер Чжицзян...

Я снова посмотрел на каменные плиты с вырезанными на них символами. Я обязан понять. Нужно запомнить все. Каждый иероглиф и его расположение. Точки и линии. Кто знает, сколько продлится эта странная буря и когда можно будет выйти наружу.

– Поторопись. – Мастер Юн снова посмотрел на небо. – Мертвые любят забирать с собой живых.

Небо уже заполнили жуткие призраки. Их седые космы завихрялись туманом. Полуистлевшая кожа обнажала жуткие оскалы черепов. Я впервые видел подобное. Откуда здесь столько призраков? Что им нужно?

Впрочем, сейчас важно другое. Я снова посмотрел на изрезанный пол. Взгляд сам собой зацепился за сложный незнакомый иероглиф. Я ведь уже где-то его видел, только вспомнить бы где. Множество черт сплетались в причудливый рисунок, обладающий каким-то чарующим притяжением. Я не мог отвести глаз. Все смотрел и смотрел, чувствуя, как меня затягивает в пугающую глубину неведомое колдов-

ство. Ни злобные пугающие завывания призраков, ни леденящий кости ветер не могли заставить отвести взгляд.

В голове зазвучал погребальный звон, который можно услышать во время траурных процессий, когда переодетые привратниками Короля Смерти слуги били в барабаны и звонили в небольшие колокола.

Одновременно с погребальным звоном раздался голос маленькой Юнхуа:

«Госпожа Широи – древняя богиня. Она рождена из лунной пыли, которую ветер принес на Гору Призраков. Она очень долго жила там, но потом решила спуститься в мир людей. Ясуо тоже в нее верит. Говорит, что нужно позвонить в колокол, и богиня придет».

Точно! Я видел этот символ почти стершимся и едва заметным на металлической подвеске у моста.

Я опустился на колени и погладил подушечками пальцев желобки иероглифа. Он будто обладал собственным колдовством. По телу пробежал жуткий озноб, от которого нестерпимо захотелось ощутить тепло человеческого тела.

Перед глазами мрачной вспышкой мелькнуло пугающее видение. Черная гладь озера, словно разлившиеся чернила. Выходящая из воды женщина, по коже которой стекает вода и искрящаяся золотая пыль. Ткань тонкого халата, облепившая соблазнительное тело. Яркий, слепящий в пугающих сумерках свет свечей в ее массивной короне. Яркие голубые глаза, словно две звезды, пылающие во мраке.

Я вздрогнул и отдернул руку. Пугающее, но завораживающее видение тут же исчезло, оставив после себя пробегающий по нутру жар и бешено колотящееся сердце.

Я сглотнул голодную слюну, чувствуя как дыхание учащается от урагана непонятных эмоций. Я не разглядел лица этой женщины, но испытывал странное, почти маниакальное желание увидеть ее снова. И в то же время страх. Она была опасна. Смертельно опасна.

На лице мастера Юна расцвела маниакальная улыбка. Он будто знал, что происходит в моей голове.

– Больше медлить нельзя. Нам пора уходить. – Он подошел к краю беседки, но вдруг обернулся ко мне. – Ах да! Я немного ошибся. Нужный тебе бог – не бог. Богиня.

В обители Ночных Цветов действительно были сароен – настолько искусно выполненные марионетки, что поначалу я принял их за людей.

Пока мастер Юн не вдохнул в них дыхание мертвых, они стояли неподвижно, глядя прямо перед собой.

За стенами крепости бушевала буря, а внутри начинало твориться что-то невероятное.

Сароен в ярких платьях с раскрашенными кукольно прекрасными лицами оказались готовыми выполнить любой приказ воинов.

Мастер Юн наполнил вином мою чашу и улыбнулся.

– Иногда мне кажется, что я стал главой Ночных Цветов

только из-за этого.

Он щелкнул пальцами, и сорвавшееся с них зеленое пламя тут же окутало двух застывших у стены сароен.

Пока они шли к нам, на сколоченную у стены сцену вышли другие марионетки. На их лицах были маски, а яркие алые платья казались смоченными в крови.

Севшие рядом с нами сароен тут же принялись прислушивать.

Когда я оттолкнул тонкую руку, пытавшуюся обнять меня за плечи, мастер Юн усмехнулся.

– Попробуй. Может, тебе понравится.

Девушка, сидящая возле него, бесстыдно задрала подол, обнажая белые ноги, и закинула одну на колени мастера, поднося к его губам вино.

Может ли мне понравиться подобное? Конечно, да – если это будет делать Рэйден.

Я наклонился над столом и тихо спросил:

– Вы сказали, что мастер Чжицзын оставил мне необходимое, чтобы разгадать головоломку. Это знания или?.. Единственным его подарком был сборник древней поэзии...

Мастер Юн осушил чашу.

– Кто бы мог подумать, что спрятанное на самом видном месте можно скрыть от людских глаз на тысячелетия. Во всем Ванжане менее десятка копий этой книги.

Молчаливая сароен запустила руку за полу его халата и достала оттуда книгу. Хоть прежде я и видел ее всего один

раз, сейчас узнал без труда – и потрепанную обложку, и покрытую золотом нить, скрепляющую страницы.

– Аристократы кичатся тем, что владеют последними экземплярами. На деле же ни один из них даже не заглядывал в книгу. А открой они ее, все равно не смогли бы прочитать. – Мастер Юн усмехнулся. – Язык поэтов древности – умно придумано. – Он протянул мне книгу. – Когда-то давно я попросил Чжицзяна передать тебе эту книгу. Хотел, чтобы у тебя было что-то от меня, что-то, что раньше принадлежало мне. Но ты ее даже не открыл.

Я взял книгу.

– Наверное, пришло время прочитать...

– Пришло время представления.

Он указал вновь наполненной чашей на сцену.

– Как она оказалась у вас?

Я осторожно раскрыл книгу. От нее исходил запах только что разведенных чернил, пыли и почему-то слив.

Сливы... Рэйден пах ими. Так тонко и сладко. От воспоминаний о нем на душе стало горько и до безумия одиноко. Внутри кто-то словно натянул струны гуциня. Настолько сильно, что от любого резкого движения они грозили порваться, раня нутро до крови.

Я знал, что книга та самая. На обложке сохранились несколько бурых пятнышек и светлый отпечаток тонких травинок.

– То, что мы не покидаем крепость, не значит, что снару-

жи у нас нет союзников. – Мастер Юн с ироничной усмешкой посмотрел на меня. – Все, что нужно, чтобы разгадать головоломку, находится здесь. Изучишь книгу завтра. Сегодня – время развлечься.

Он кивнул кому-то за моей спиной, и я обернулся. В зал вошел Баи. Не глядя на нас, он опустился на подушки, тут же устраивая локоть на коленях сароен и опираясь на него головой. Другая марионетка принялась разминать его плечи.

Почему вместо того, чтобы готовить свое зелье, он пришел сюда? Рэйден бы уже давно отправился в Мертвый Лес, раскапывать колодцы или охотиться за призраком.

Мастер Юн тронул мою руку:

– Забудь ненадолго обо всем. Лучше посмотри представление.

– Какое именно?

В зале разворачивался спектакль ничуть не хуже того, что начинался на сцене.

Мастер Ченг откинул голову на плечо сароен, которая гладила его живот, пока другая стаскивала с него ханьфу. Она уже умудрилась обнажить его грудь и плечи.

Глава клана Тысячелетних Воронов неожиданно поднял голову и зло посмотрел на меня.

Сароен наперебой начали пытаться вернуть его внимание, беззастенчиво забираясь руками под одежду. Можно было отчетливо разглядеть движение их ладоней в области его паха. Продолжая смотреть на меня, он обхватил затылок одной

из женщин и надавил, заставляя нагнуться к его бедрам. Она нырнула под подол его халата, накрывшись им с головой.

Как только движения сароен участились, глаза мастера Ченга закатились, и он, наконец, перестал буравить меня взглядом. Откинув голову, он начал тихо стонать, двигая бедрами навстречу рту сароен.

Я понял, что... вообще ничего не испытываю, глядя на это. У меня не то что не было желания к другому мужчине – у меня не было желания вообще. Мастер Ченг был более чем привлекателен, но мысль о нем не вызывала ничего, кроме неприязни. А наблюдение за чужими утехами вызывало лишь раздражение от того, что сейчас мне это недоступно. И вряд ли будет доступно. Рэйден, кажется, и впрямь ненавидел меня.

Внутренний голос лукаво прошептал:

«А как же слова умертвия?»

Боги!.. Я всерьез надеюсь, что кровопийца прилетел сюда, чтобы сообщить, что лекарь меня ждет?

– Я могу уйти? Мне нужно подумать.

Я снова посмотрел на мастера Юна, которому одна из сароен уже жадно облизывала шею.

Он усмехнулся.

– В каждом из нас это есть – греховная жажда, которую не утолить... Лишь безвольные и согласные на все марионетки позволяют немного забыться.

Дело было в том, что я не хотел забываться. Мне нрави-

лось думать о Рэйдене. Даже воспоминания о нем доставляли удовольствие. Мучительное, жестокое, но удовольствие.

Невидящим взглядом я уставился на сцену.

Влажные звуки поцелуев и протяжное стоны заглушила жутковатая музыка. Марионетки, спрятавшие лица за пугающими деревянными масками, начали танцевать.

Когда долго лишен чего-то, в конце концов перестаешь этого желать. Наверное, со мной сейчас происходило именно это. Возбуждение, кипящее в крови рядом с Рэйденем, теперь превращалось в яд, который стремительно отравлял мозг.

Я медленно поднялся и, не обращая внимания на окрик мастера Юна, пошел прочь.

Если бы здесь был Рэйден... я бы тем более не остался. Ценностью была каждая секунда наедине с ним. И уж тем более я не позволил бы посторонним смотреть на него и его обнаженное тело, будь он хоть десять тысяч раз мужчиной.

Что с этими демоновыми воинами не так?

Уже покинув зал, я понял, что за мной кто-то следует. Обернувшись, я лицом к лицу столкнулся с растрепанным Баи. На его лице появился румянец, а грудь быстро поднималась и опадала от тяжелого дыхания.

Он выглядел одновременно встревоженным и на что-то надеющимся.

– Почему вы покинули представление? Бури, посланные Королем Мертвых, случаются не так уж часто. Еще не скоро

выпадет возможность развлечься.

– Ты ведь понимаешь, что я здесь не для того, чтобы развлекаться? Или вы все думаете, что я отправился на поиски существ из легенд, которых, возможно, даже не существует, от скуки?

Я и сам не ожидал, что так вспыхну. Наверное, выдержка, которая так помогла в разговоре с мастером, все же закончилась.

Баи стыдливо опустил глаза.

– Простите... Я думал, если вы будете там, то вам захочется подобных удовольствий... И тогда я мог бы помочь вам их испытать.

Боги... Я даже не знал, стоит ли на него за это злиться. Ведь с Рэйденом я был точно таким – готовым на что угодно, лишь бы он обратил на меня внимание.

– У меня уже есть тот, с кем бы я хотел заниматься подобным.

– Но вы сами сказали, что не нужны ему!

– Зато он нужен мне. И я сделаю все, чтобы его получить. Но забываться в чужих объятиях я не собираюсь.

В глазах Баи появились слезы. Глядя в пол, он начал поправлять одежду.

– Чем он заслужил вашу верность? Что в нем особенного? Прошу, расскажите мне о нем. Я ведь обещал, что взамен открою все, что знаю о манускрипте.

Наверное, мне и впрямь суждено было оказаться здесь.

Похоже, что в последней крепости Ночных Цветов каждый отчаянно жаждал чужой любви. И я не исключение.

Сжав подаренную мастером книгу, я попросил, игнорируя слова Баи:

– Мне нужно никем не занятое помещение. Много бумаги и чернила.

Целитель несколько мгновений удивленно смотрел на меня, а затем кивнул и стер с лица несколько слезинок.

– Идемте за мной.

Новой вереницей коридоров он привел меня в заброшенные покои, пахнувшие пылью, древесной смолой и чернилами. В углах скопилась паутина, а пол был покрыт множеством глубоких царапин.

За окнами бушевала гроза. Вспышки молний высветили ободранную ширму и одиноко висящую на вбитом в стену гвозде маску.

Ткань на окнах трепыхалась и дрожала. Непонятно, как она вообще выдерживала такие порывы ветра.

Неожиданно за истлевшим полотном мелькнула тень.

Отодвинув в сторону ткань, в покои медленно проникла чья-то рука. То, что от нее осталось. Черные, обугленные кости с ошметками кожи и ниток коснулись деревянной рамы.

Баи вцепился в мое плечо и тихо прошептал:

– Это призрачные покои...

Я внимательно следил за рукой и за ее обладателем, чье лицо начало появляться в проеме. Серая кожа и развеваю-

щиеся во все стороны волосы принадлежали мужчине. Тому, что от него осталось.

– И зачем же ты привел меня сюда? – Я мельком взглянул на Баи, который спрятался за моей спиной. – Разве Ночные Цветы не искуснейшие воины, способные останавливать армии?

– Я вел вас в комнату художников. Эти покои появляются сами по себе. И в них всегда находится то, что отражает суть вошедшего. Вашу суть...

– И что же должно отразить мою суть?

Баи несмело указал на маску.

Призрак в окне встrepенулся и уставился на нас. Его глаза светились желто-зеленым, а на серой коже проступили черные вены.

– Он чего-то хочет от нас?

И почему я ждал, что Баи ответит? Он с такой силой сжал мой халат, что едва не стащил его.

Призрак осмотрел покои и, царапнув пальцами деревянную рейку, исчез в буре. Я подошел к окну, таща на себе Баи, который и не думал отцепляться.

На раме остался черный след какого-то искрящегося в темноте порошка. Я коснулся его. На ощупь он был бархатистым и мягким.

– Создания Ночи ты так не боялся...

Я повернулся к Баи, растирая порошок между пальцев.

Едва сдерживая улыбку, он стрельнул в меня глазами.

– Ну-у-у... Это был единственный способ прижаться к вам поближе.

Я сбросил его руки со своих плеч. Демонов целитель! Откуда столько настойчивости? Почему бы Рэйдену не вести себя так же? Хотя, наверное, именно своей неприступностью он мне и понравился.

– Что это?

Баи поддержал мою руку и понюхал странный порошок.

– Черная гниль.

Черная гниль... Тот порошок, который с таким восторгом собирал Рэйден.

Я посмотрел на Баи, чьи блестящие от радости глаза пристально меня разглядывали.

– Не хотите собрать?

Баи растерянно моргнул.

– Зачем?

Кто здесь лекарь – я или он?

– Я слышал, что это очень редкий ингредиент для мазей.

– А-а-а... Нет, у меня ее полно.

– Тогда почему сразу не узнал?

Баи улыбнулся и просто ответил:

– Хотел к вам прикоснуться.

Я закатил глаза и отошел от окна. Взгляд коснулся висящей на гвозде маски. Она была настоящим произведением искусства.

– Говоришь, отражает мою суть?

– Да. – Баи оказался за моей спиной. – И раз призрачные покои решили появиться перед вами и оставить свой дар, то вы обязательно должны взять ее.

– И что же мне с ней делать?

Я рассматривал филигранную работу. Она была тонкой и изящной. Повторяла черты лица, но на веках и скулах вились мастерски вырезанные узоры.

– Что еще делать с масками? Конечно же, надевать на праздник. Или чтобы скрыться от кого-нибудь. Вам ли, тому, кто от рождения жил в маске, этого не знать?

Я обернулся к Баи.

– Хочь остаться здесь. Где взять бумагу и чернила?

Едва я закончил говорить, как дверца стоящего у стены шкафа тихо скрипнула и отворилась. Я подошел ближе и распахнул двери. Полки внутри ломились от письменных принадлежностей и свечей.

Баи вновь оказался у меня за спиной.

– Похоже, ничего другого вам и не остается...

Вдвоем мы расставили и зажгли свечи. Несколько раз я пытался выставить Баи прочь, но он наотрез отказался уходить.

Разложив на полу листы бумаги, я взялся за кисть, а Баи принялся разводить чернила. Холодный ветер ворвался в покои и сдул с рамы черную гниль. Похожий на сверкающую пыль порошок рассыпался по бумаге.

Рэйден был без ума от счастья, когда нашел ее. Баи же

вел себя так, словно ничего особенного и не произошло. Я растер пыль по бумаге. Мягкий серо-черный след слегка поблескивал.

У Баи ее полно, а Рэйден рисковал жизнью, отправившись за ней в Мертвый Лес. Может быть, я зря думаю об этом, но... предчувствие говорило об обратном.

Вот только Баи вряд ли признается просто так. Он был тем еще хитрецом и, очевидно, привык добиваться своего любыми способами.

Оставив пока его в покое, я приступил к задуманному. Воспроизвести на бумаге увиденное в беседке оказалось не так-то легко. Не знаю, сколько времени я потратил на то, чтобы с точностью записать все увиденные иероглифы и пересечения линий. К тому моменту, как закончил, большинство свечей уже полностью оплавилось, а на полу повсюду были разбросаны испорченные листы. Но я все-таки смог.

Буря закончилась, и по-осеннему холодное утро нехотя пробиралось в окно. От зябкого сквозняка в покои влетала дождевая морось. Развесив на балках под потолком листы исписанной бумаги, я наконец получил точную копию пола в беседке.

В сумеречном голубовато-сером рассвете казалось, что каждая точка излучает алхимию.

Пока что я даже не представлял, как разгадать эту загадку. Может, Баи знает? Я посмотрел на спящего прямо на полу целителя. Если ему и известно, то за свою помощь он запро-

сит непомерную плату. Что ж, у меня хотя бы есть книга.

Я наклонился, чтобы поднять ее с пола, как вдруг дверь с грохотом отъехала в сторону и на пороге появился качающийся мастер Ченг. Из одежды на нем остались только штаны и распахнутый халат, а в руках он держал кувшин с вином, которое выплескивалось на пол, пока он, шатаясь, вваливался внутрь. Все его тело было покрыто засосами, под глазами залегли тени, а волосы спутались. И это великие воины!.. Хотя чего я ожидал? Они тут наверняка покрываются пылью от скуки. Берегут свое бессмертие, коченея от собственного величия. Трусливые лицемеры.

Проморгавшись, он осмотрелся, а заметив меня, пьяно рассмеялся.

– А-а-а... Наш неутомный принц нашел призрачные покой?

Он плюхнулся прямо на пол и шумно глотнул из кувшина. Стерев потекшее по подбородку вино, кивнул на мою каллиграфию.

– За все время существования этой крепости лишь четверо смогли разгадать эту головоломку. И каждый раз последствия были непредсказуемыми. Догадываешься, кто это был?

Лишь четверо...

– Вы, мастер Юн и мастер Мингли?

– Ага...

Мастер Ченг снова отпил из кувшина.

Но кто был четвертым?

Мастер с улыбкой и ненавистью во взгляде посмотрел на меня. Конечно!..

– И ваш брат...

– Да. Этот дурачок всегда был слишком умным. И слишком глупым.

– Но мастер Юн сказал, что если я разгадаю, то получу власть над божеством, способным победить черных монахов. Выходит, и у вас есть эта сила?

– Эта сила? – Он горько рассмеялся. – Ни один из нас не способен повелевать даже самым никчемным демоном. Мы – жалкие тени самих себя. Если ты сможешь заполучить скрытую под водой мощь, то станешь сильнейшим из бессмертных. Тебе это суждено. Начертано, – он указал пальцем на потолок, – на небесах. А уж в чем Юн и хорош, так это в чтении звезд. – Он хмыкнул. – Это вообще единственное, в чем он действительно хорош. Наш печальный ученый. – Он вздохнул и сделал еще один глоток. – А вот ты совсем другой. Ты уже силен. Если сможешь получить мастерство Ночных Цветов, твоя мощь не будет ни в каком сравнении с нашей.

– Я не смог справиться даже с соломой и деньгами мертвецов.

– Мы этому учились годами. Я говорил о другой силе. Ты ведь видел, что Юн делает с марионетками? И подобное он может сотворить с любым предметом. А я получил возможность повелевать мертвыми птицами. По моей воле они мо-

гут лететь куда угодно и делать то, что я прикажу. Я вижу то, что видят они. Слышу то, что они слышат. Мингли управляет опавшими лепестками – ему подчиняется любое растение. Вот только толку от этого...

– Почему же? Вы всегда можете покинуть крепость. Опять стать защитниками Ванжана.

Мастер Ченг рассмеялся и снова хлебнул вина. Отбросив опустевший кувшин, он тяжелым взглядом посмотрел на меня.

– Мы свое уже отвоевали, мальчик. Больше никто и ничто не заставит нас жертвовать жизнями нашего братства. Спасай свое королевство сам. Ты и так уже получил от нас более чем достаточно даров.

Он привалился к стене и закрыл глаза, как будто вокруг больше ничего и никого не существовало. Чокнутый тип.

Я отвернулся и снова посмотрел на развешанные листы бумаги. И как к ним подступиться? В любом случае нужно начать с самого начала – перевести каждый иероглиф, который мне неизвестен. А таких тут десятки...

Глава 5

Искушение лекарем

– Сосредоточься!

Я отлетел к стене, получив очередной удар от мастера Юна.

– Тебе не нужно оружие. Ты сам – оружие!

С невообразимой скоростью он подлетел ко мне, взмахнув веером. Я едва успел уклониться. Шелковая ткань прошлась по стене, оставляя на дереве глубокую борозду.

Ежедневные тренировки с мастером Юном медленно меня убивали. На мне уже места живого не осталось. Снадобья Баи не справлялись. Они просто не успевали действовать.

Сначала меня взялся обучать мастер Ченг. Я ожидал, что он убьет меня на первой же тренировке. Как ни удивительно, я остался жив. Но наш бой увидел мастер Юн, который посчитал, что глава клана Тысячелетних Воронов слишком мягок со мной. Он сам взялся за мое обучение, и начались недели нескончаемой боли.

– Будь внимателен!

Какое, к демонам, внимание, если все мои мысли были о головоломке, к расшифровке которой я так и не приблизился?! Неведомая сила становилась все дальше и дальше от меня, а времени оставалось все меньше.

– Ты должен думать лишь об одном! – Он добрался до меня и с такой силой ударил по лицу, что в носу что-то неприятно хрустнуло. Боль ослепила на несколько мгновений, за которые меня опрокинули на пол. – Как меня сразить!

Мастер Юн склонился надо мной. Своим проклятым веером он творил что-то невероятное. Я не успевал следить за его движениями. Ему не нужны были ни копья, ни мечи, ни щиты – лишь изящный шелковый веер.

– Встань! Тебе не положен отдых. – Он ударил меня ногой в бок, заставляя подняться, и презрительно скривился. – На поле боя ты уже был бы мертв. Очень плохо. Я думал, тебя лучше обучили.

Опираясь о стену, я с трудом поднялся на ноги. Раздраженно сложив веер, он ушел, оставив меня вытирать льющуюся из носа кровь.

Боги! Я трезво оценивал свои силы: да, я хороший воин. Но не более. Чтобы освоить их мастерство, нужны годы. У меня же нет этого времени. Да еще загадка, которая мне не поддается, сколько бы я ни бился. Я не перевел даже половину иероглифов. А то, что смог расшифровать, никак не помогало понять смысл головоломки.

– Не сердись на него. – Дверь с тихим шелестом отъехала в сторону, и внутрь вошел мастер Ченг. – Он хочет, чтобы ты стал идеальным воином, который заткнет за пояс всех нас. – Он издевательски рассмеялся и подошел ближе, сложив руки за спиной. – Но проблема в том, что ты слишком отлича-

ешься от нас. Ты – другой. И без маленькой помощи тебе не обойтись.

Его хитрая улыбка не сулила ничего хорошего, но мне уже было плевать. Медленно я начинал терять надежду и отчаиваться. Ради чего все это? Ради трона? Его будет кому занять. Ради защиты Ванжана от черных монахов? Ну так пусть король и защищает свой народ. Ради Рэйдена?.. От мыслей о нем я теперь начинал злиться. Слова Создания Но-чи не шли из головы, поселяя в моем сердце надежду, которую я не имел права испытывать.

Я ведь отдавал себе отчет в том, что чувства к другому мужчине ненормальны. Если я от всего откажусь, согласен ли Рэйден будет остаться со мной? Хотя бы просто быть рядом. Или же... я смогу купить его расположение теми богатствами, которыми владеет королевская семья. Мне бы испытывать отвращение и к нему, и к себе за такие мысли, но я глупо надеялся, что на золото он окажется таким же падким, как и на красоту женщин, окружающих его.

Мастер Ченг покачал головой и сунул мне в руки платок.
– Вытрись! На кого ты похож?

Пока я прижимал ткань к разбитому носу, он вывел из-за спины другую руку. В пальцах сверкнул пухлый пузырек, размером почти в ладонь. Он был заполнен до краев порошком, похожим на муку. Стертый почти в пыль. Только бледно-голубой цвет и зеленые с фиолетовыми крупинки выдавали в нем алхимический состав.

– Стадил у Баи. – Мастер Ченг немного безумно улыбнулся. – Не знаю, сколько он думает скрывать от Юна то, что уже приготовил его. Этот дурачок с чего-то взял, что если ты не увидишь своего возлюбленного, то заинтересуешься им.

Ну и чем они решили напичкать меня на этот раз?

– Что это?

Все приготовленное Баи теперь вызывало у меня опасения.

– Это... – Мастер Ченг потряс пузырьком, заставляя алхимическую пыль рассыпаться по стенкам. – Особый порошок... из мандрагоры, белладонны Дал Уи, цветов мха-могильника и не менее сотни заклинаний.

Белладонна Дал Уи... Рэйдена нет рядом, но его уроки до сих пор помогают мне.

– Это же... самый смертоносный вид белладонны!

– Ого-о-о! Какие познания... Наш печальный принц во всем хорош. И даже сведущ в Мертвой Алхимии. Да, самый смертоносный... – Он поднял флакон выше. – И самый невероятный. За рецептом чудесной мази из него до сих пор охотятся сотни страждущих. Но порошок тоже неплох. Такой теперь нигде не найдешь. А у тебя целый флакон. Но нужно быть осторожным – из зависимости от него не вырваться. Но оно того стоит...

– Зачем вы принесли его?

– Он поможет тебе. Освободит то, что скрыто внутри. То, чему ты сам не даешь вырваться. Твой дар, твою силу, твое

мастерство, твою страсть...

– Значит, секрет вашего искусства заключен в порошке?

– Секрет нашего искусства в том, что мы совершаем невероятное ради всего одного человека. Особенного для нас человека. И неважно: далеко он или близко, жив или мертв, знает о нашем существовании или ему все равно, что кто-то страдает от безответных чувств. Таковы Ночные Цветы. Мы рождены для того, чтобы служить одному-единственному хозяину.

– И кому же служите вы?

Мастер Ченг мрачно ухмыльнулся.

– Принц, которому есть дело до других... Народ тебя любит. Если выживешь. А для этого тебе нужно признаться самому себе – ради кого ты сражаешься. Я знаю, что тебя учили скрывать свои чувства. Но... ты ведь хочешь его увидеть?

Он смотрел мне в глаза, пытаясь прочесть меня. Я же не отводил взгляда, чтобы защититься. Защитить тайну, которую скрывал.

Ухмылка мастера Ченга превратилась в оскал.

– Я подготовил кое-что для тебя... Кое-что, что намного веселее ручных марионеток Юна.

Я не знал, что задумал этот псих, но для меня ничем хорошим это точно не закончится.

Я понял, что прав, когда он спросил:

– Хочешь увидеть... Его?

Он говорил о Рэйдене, и почему-то это меня злило. Пальцы сжались в кулаки, до боли натягивая сбившуюся на костяшках кожу.

– Конечно, хочешь... Кто из разлученных влюбленных не желает свидеться хоть на краткий миг? – Он усмехнулся. – Еще скажешь мне спасибо. – Он вдруг вынул пробку и вытряхнул голубой порошок прямо мне в лицо. – Наслаждайся...

Меня окружило бледное облако. Оно разрасталось и темнело, превращаясь в серо-голубую тучу и поглощая мастера, закрывшего лицо широким рукавом.

Наверное, мне следовало поступить так же, но я уже вдохнул мелкую пыль разбитым носом, пересохшим ртом.

Туман заволок покои непроглядными клубами, и откуда-то издали послышался смех. Смех десятков людей и шум городских улиц. Проклятая мандрагора! Это снова происходит? Демоново растение опять будет нашептывать искашающий бред?

Туман начал рассеиваться, и я оказался посреди одной из улиц столицы. Это было настолько реальным, что на несколько мгновений я поверил, что и впрямь перенесся обратно в столицу.

Огненным разноцветьем горели тысячи фонарей самых разных форм и размеров. По черной холодной реке плыли украшенные лодки. Они освещали ночь яркими отблесками фонарей. Вода с мягким шелестом билась о борта, а искус-

ные сароен и танцовщицы развлекали толпу танцами. В воздухе пахло вином, кострами и порохом для салютов.

Я так редко бывал на праздниках, а на праздниках в городе вообще несколько раз, поэтому сейчас даже не мог определить, какой фестиваль заставил толпы народу заполнить улицы. Да и так ли это важно? Ведь я вижу иллюзию. Или все же реальность?

Я коснулся шеста, поддерживающего тент одной из сувенирных лавок. Пальцы ощутили шершавую деревянную поверхность, в кожу впиалась заноза.

Но все мысли вылетели из головы, когда я увидел, как из соседней лавки с травами выходит изящное хрупкое божество. Он был подобен стеблю бамбука – тонкий, дрожащий от каждого порыва ветра. И хоть его лицо скрывала длинная серая вуаль, свисающая с треугольной рисовой шляпы, я узнал его сразу же. Он излучал вокруг себя особую алхимию – завораживающую, подчиняющую, лишаящую воли.

Мягкий довольный смех Райдена скользнул по телу искушающей лаской. Кожа покрылась мурашками, и меня одновременно бросило в жар.

Ветер трепал подол его темно-фиолетового ханьфу с золотой вышивкой, ткань льнула к его ногам, и казалось, что он объят пламенем. В одной руке он держал бумажный пакет с травами, а другой... Я задержал дыхание, а потом тяжело шумно выдохнул, чувствуя, как возбуждение оседает в животе мучительно-сладкой тяжестью. Другой рукой он убрал

прядь волос мне за ухо и погладил по щеке.

Это точно был я. Его спутник, не скрывающий лица, абсолютно счастливый и улыбающийся. Я даже не подозревал, что могу так радостно улыбаться. В моих руках тоже были пакеты с травами, но не было никаких сомнений, кому они принадлежали.

Рэйден вдруг запнулся и посмотрел в сторону лавки, возле которой стоял настоящий я. Его глаза зажглись ярко-голубым светом, который было видно даже сквозь вуаль. Я разглядел восторг на бледном лице.

– Посмотрим, что здесь?

Он умоляюще глядел на того, другого принца и улыбался самой соблазнительной улыбкой, какая только могла существовать. Я знал, что не сдержался бы. Затащил бы его в ближайший проулок, задрал бы подол халата и заставил обвить ногами мои бедра, чтобы оказаться в его сладкой манящей глубине.

– Конечно...

Собственный голос развеял обжигающе опасную фантазию. Что это? Иллюзия? Мечта? Или мое возможное будущее?

Рэйден ласково погладил нити подвески.

Другой я опьяненно спросил:

– Хочешь ее?

– Нет, я просто смотрю.

Рэйден улыбнулся и отвернулся от лавки.

Тот я схватил его за руку. Напряжение и поток огненной лавы, скользнувшие от кожи к коже, были ощутимы даже на расстоянии. Меня накрыло волной вожделения и неутоленной жажды.

– Вот эта... Идеальна для тебя.

Мой двойник снял с крючка изящную подвеску. Плотные шелковые нити перемежались с серебряными цепочками. Белый нефритовый обруч был обвит серебряными ветвями, которые заполняли его пустой центр. На ажурном серебряном диске рассыпались три розово-голубых цветка.

– Прекрасный, просто чудесный выбор! Молодой господин знает толк в украшениях. – Продавец преувеличенно восторженно заулыбался. – Эта подвеска уникальна, единственная в своем роде.

– И чем же она уникальна?

Другой я поднял подвеску над головой, когда Рэйден к ней потянулся.

– Это свет луны, отраженный в воде колодца. – Рэйден встал на цыпочки и вырвал из рук ухмылявшегося принца украшение. – А это осенние цветы, упавшие в воду.

Он ласково коснулся пальцем нефритового обруча.

– Юный господин прав. – Продавец снова улыбнулся. – «Тайное свидание под луной».

Принц прицепил подвеску к поясу Рэйдена, а затем протянул продавцу монеты.

Рэйден ласково разгладил нити, а затем снова повернулся

к прилавку.

– Хочу еще саше. Вы подарите мне его, щедрый господин?
Под вуалью мелькнула еще одна лукавая улыбка.

Усмехаясь, принц покачал головой и отступил, позволяя Рэйдену выбрать.

– Хочу вот это.

Похоже, мой хитрый лекарь уже присмотрел желанный мешочек. На темно-синей ткани мягко блестела изящная вышивка ночных светил: луны и мерцающих звезд, выглядывающих из-за облаков.

Едва принц расплатился, Рэйден протянул ему саше.

– Помогите прикрепить.

Я пошел следом, когда они покинули лавку.

Рэйден нежно коснулся локтя моего двойника, обвивая его.

– Теперь я весь в ваших подарках.

Другой принц вдруг остановился и коснулся плеча моего лекаря. Его пальцы скользнули на грудь, обвели пояс, перетягивающий тонкую талию, и устремились еще ниже, замерев над бедрами.

Тихий шепот был слышен лишь нам троим:

– Еще не весь... Я подготовил вам особенный подарок...

Как же я сейчас завидовал ему. Самому себе... За то, что мог вот так свободно прикасаться к нему. За то, что мог, не скрываясь, делать подарки. И за то, что Рэйден их с охотой принимал.

– Еще подарок? – Глаза лекаря загорелись почти детским восторгом. – Я хочу получить его!

Принц улыбнулся и приподнял вуаль на его шляпе.

– А что получу я? Я тоже хочу подарок от вас...

Рэйден надул губы в притворной задумчивости.

– Что я могу подарить повелителю, у которого все есть?

Принц прижал палец к его губам, заставляя меня вздрогнуть от удушающего чувства собственности и податься к ним всем телом.

– Тсс!.. Сейчас я просто ученый, который гуляет со своим возлюбленным.

Рэйден снова лукаво заулыбался. Я не знал, что меня больше поражало, это странное видение или то, каким в нем был лекарь. Совершенно не похожим на себя. Возможно, я хотел видеть его именно таким? Или представлял, каким он мог бы быть, если бы мы...

Он взял другого принца под руку и неожиданно нежно коснулся ладонью его щеки.

– Никогда не покидайте меня... Если вы забудете меня... разлюбите и выбросите за ненадобностью, я сойду с ума... Сойду с ума и буду мстить. Буду молиться богине ревности, чтобы она покарала вас и тех, кто займет мое место. Вы только мой. Запомните это. Только мой!

Он оставил поцелуй на тыльной стороне ладони моего двойника, вызывая во мне желание закричать. Вот он я! Настоящий Сунлинь, готовый любить тебя вечность! Всю свою

жизнь и после смерти. Стану призраком, лишь бы продолжать преклоняться тебе. А ты меня даже не замечаешь...

Другой принц неожиданно потащил Рэйдена в темный проулок между низкими городскими домами. Толкнув его к стене, он сжал скрытые тканью ягодицы и притиснул лекаря к своим бедрам.

– Обожаю, когда ты такой!.. Не могу сдержаться...

Глаза заволокла алая пелена ярости. Он делал то, о чем несколько минут назад мечтал я. Настоящий я!

Этот Рэйден наверняка был фальшивкой, но даже он принадлежал мне! Готов ли я убить противника, если этот противник – я сам? Я не мог ответить на этот вопрос. Просто шел к паре, уединившейся в темноте проулка. Шел с намерением оторвать их друг от друга...

Мне оставалось сделать несколько шагов, когда их губы столкнулись. Они пожирали друг друга. От звука влажных поцелуев кружилась голова. Я не хотел на это смотреть, но и отвести глаз не мог. Моя собственная рука на бедре Рэйдена, заставляющая его поднять ногу на мое же бедро... Откинутая назад голова лекаря... Он так откровенно подставлял шею для поцелуев, так громко стонал!.. Протяжно и соблазнительно... Терся бедрами о мои бедра, но я не ощущал ничего! Потому что мое место было занято подделкой...

Не было ничего прекраснее этого зрелища – сгорающего от страсти Рэйдена.

Но громкие крики разрушили уединение и заставили ме-

ня остановиться. Отовсюду слышались вопли паники и плач. Запах гари и треск сломанных торговых лавок ворвался в видение. Я обернулся. Со стороны главных улиц бежали люди. Многие были ранены. Если это иллюзия мастера Ченга, то она слишком реальна. Так ведь быть не должно. Невозможно ощущать запах крови... Невозможно чувствовать, как спасающиеся бегством люди толкают тебя, пытаясь убраться как можно дальше от этого места. Но я чувствовал. Запахи. Крики. Чужие прикосновения. В дыму начали проступать очертания тех, кто устроил хаос. Их движения были неловкими, рваными и резкими. Чем-то они напоминали черных монахов, но это были не они.

Это были... болваны для тренировок. На их туловах из дерева и соломы крепились мишени. Разномастная одежда висела на неуклюжих телах потрепанными клочьями, а на деревянных головах застыли вырезанные ножом плотника оскалы. Они светились, будто внутрь кто-то поставил свечи, и это до странного напоминало черепа в Мертвом Лесу. Их одежда тлела, и в разные стороны разлетался цветной пепел.

Но неловкие угловатые движения были обманчивы. Если с их пути не успевал убраться замешкавшийся горожанин, болван бросался в его сторону и практически разрывал нутро выструганной из дерева рукой. Старики, дети, женщины – их жертвами становились все. Если человек пытался убежать, то конечности болванов начинали удлиняться, превращаясь в сплетение древесных корней, и все равно достигали

жертву.

Порождениями какой алхимии они были и как оказались в моей иллюзии?

Это не моя битва. И я честно так думал до тех пор, пока Рэйден и моя копия не выбежали из проулка. То, что было лишь яркой пугающей картинкой, в одно мгновение обернулось кошмаром. Я больше не мог воспринимать происходящее как видение. Разум пытался убедить тело, что это просто обман. Рано или поздно он пройдет, рассеется вместе с демонным порошком. Но вид Рэйдена, бросившегося помогать раненым, опустошил сознание.

Я видел только его. Его безумное благородство, никому не нужную самоотверженность. Оторвав полосу от своего ханьфу, он перевязывал раненую руку старого торговца. Хрупкий, один на один со всем миром. И безумно красивый даже сейчас.

Мой двойник выбежал вперед, пытаясь то ли увести Рэйдена, то ли скрыть его от глаз жутких марионеток. Но они заметили его. Я разглядел лишь смазанное движение рукорней. Еще мгновение назад деревянные болваны стояли на другом конце улицы, как вдруг один из них оказался прямо перед нами. Его рука с острыми отростками вонзилась в грудь принца, пробивая ее насквозь. Брызги крови разлетелись во все стороны – мне на лицо и на руки Рэйдена. Лекарь закричал, когда принц упал на землю, вздымая вокруг себя облако пыли.

Голова марионетки со светящимися глазами и пастью повернулась к Рэйдену.

У меня не было с собой никакого оружия. Вообще ничего. Но я лучше сдохну вместе с этой проклятой иллюзией, чем позволю погубить Рэйдена. Даже воображаемого.

Откуда-то в израненном теле взялись силы. Взбежав по стене и оттолкнувшись от нее, я бросился марионетке наперерез. Пальцы впились в узкие плечи Рэйдена. Я едва успел его оттолкнуть, когда руки-корни вонзились в телегу, возле которой он сидел. Колеса и доски полетели в разные стороны.

Шляпа слетела с головы лекаря, открывая его залитое слезами лицо. Он вертел головой, оглядываясь по сторонам, словно не видел меня, а затем подполз к телу двойника.

Вместо того, чтобы убежать, он пытался оживить мертвеца. Что-то шептал, тряс тело, а потом начал судорожно перебирать разбросанные по земле пакеты с травами. Вокруг его пальцев загорелись алхимические формулы и иероглифы, на которые вдруг среагировали марионетки.

На одно короткое мгновение они попросту исчезли, а затем вдруг снова возникли прямо за спиной рыдающего Рэйдена. Все, что я мог, – броситься им наперерез, забывая о ранах и усталости. Где-то в отдалении мелькнула мысль, что для иллюзии, боль которую я ощутил, когда один из болванов хлестнул меня рукой-веткой по щеке, была вполне реальна. И ощущение теплой липкий крови, текущей по коже

тоже. Но эти мысли испарились, когда я понял, что не смогу защитить Рэйдена.

Я пытался отвлечь монстров от него. Сражался с ними камнями и палками, но все мои удары либо не достигали цели, либо возвращались ко мне же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.